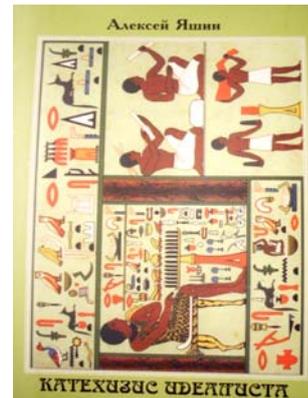

К 100-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Алексей Яшин
(г. Тула)

КАТЕХИЗИС ИДЕАЛИСТА: РОМАН-РАЗМЫШЛЕНИЕ*

Пожалуй, начиная с конца 20-х годов прошлого века, нет другого такого громкого имени, как имя Сталина, вокруг которого кипели бы страсти абсолютно полярного характера. Для Запада и меньшей, но очень громкоговорливой части населения России и постсоветского пространства — образ архизлодея, по сравнению с которым Адольф Шикльгрюбер едва ли не агнец божий. Для подавляющего большинства жителей России и стран СНГ, прежде всего русских людей, — выдающийся государственный и полководец-стратег в тысячелетней истории Руси — России — СССР, сравнимый разве что с Владимиром Мономахом, Святославом, Иваном Грозным и Петром Великим. Правильнее говоря — названные князья и цари лишь в чем-то сравнимы с Вождем. Главное — нет равнодушных, а это и есть непререкаемое свидетельство того, что Сталин был, есть и будет в истории страны и всего мира выдающейся личностью.

Автору этой книги и в страшном сне не являлось, что он-де член какой-либо политической партии или движения, а юность — самое впечатлительное время в генезисе человека — пришлось на «эпоху Брежнева». Все сказанное в настоящей книге никак не может являться «ностальгией сталиниста», политическим компатриотством или биологически обусловленным возрастным неконформизмом к окружающей действительности. А является пресловутыми плодами «холодных размышлений и сердца горестных замет».

Любой крупный политический деятель имеет две ипостаси: высказываемое им и потаенное, причем второе питает первое, оставаясь фигурой умолчания, идеалом. А значит в душе такой деятель и есть идеалист. Но как прочесть эти потаенные мысли? — Только глубоким анализом ведомой деятельности и вживанием в образ. Боязно примеривать на себя китель и сапоги Вождя, но... смелыми Бог владеет. И он, Бог-то, не выдаст, а свинья не съест.

...Многие воцерковленные люди говорят: православные монахи (не прикормленное властью белое духовенство!) уже отмолили у Бога половину невольных грехов Сталина. Дело осталось за малым, и истина восторжествует.

* Для нетерпеливых читателей — это мы лстим себя неизбывной надеждой, что читатели еще сохранятся... — сообщаем, что полный текст романа можно найти на сайте «ПЗ» www.pz.tula.ru; раздел «Библиотека журнала «Приокские зори». Стихотворения юного Джугашвили в романе в переводе Владимира Резцова

ОТ АВТОРА: НЕ СОТВОРИ СЕБЕ КУМИРА

Начнем с грамматического пояснения. Почти все крылатые выражения, вошедшие в русский язык из библии, особенно — Нового Завета, являются разновидностью идиомы (от греч. *idioma* — своеобразное выражение), то есть, значение такого словосочетания не идентично значениям составляющих слов, в том числе служебных. Это всякий квалифицированный читатель канонических книг «держит в уме», но в обыденной речи то же словосочетание обедняется и воспринимается как прямое, однозначное утверждение. Именно это произошло с выражением, вынесенным в заголовок авторского предисловия.

Действительно, в обыденном понимании кумир твердо ассоциируется с фетишем, объектом слепого поклонения. Но евангельский (и ветхозаветный) смысл этого выражения именно идиоматичен, многозначен: здесь кумир «равноправно» и фетишем может являться, и своего рода антифетишем. В последнем случае можно смело трансформировать утверждение: «Не сотвори себе антикумира», если под собственно кумиром подразумевать житейское, фетишизированное.

В применении же к образу Вождя — так мы для единообразия, следуя правилам герменевтики, и будем называть Иосифа Виссарионовича — в полной мере преобладает именно исходный, евангельско-библейский смысл высказывания о несотворении кумира/антикумира.

Самое существенное, что в отношении личности Вождя совершенно нет людей равнодушных — из тех, конечно, кому хотя бы в общих чертах его имя знакомо, но мнения их резко полярны: либо кумир, либо же антикумир. А это и есть непререкаемое свидетельство того, что Вождь был, есть и будет в истории нашей страны и всего мира выдающейся личностью.

...Написал четыре кратких, вводных абзаца и на три месяца отложил рукопись: то ли профессорские и исследовательские дела отвлекли, постоянные хлопоты с выпуском журнала «Приокские зори», который редактирую уже пять лет со дня его основания. Опять же сдал в печать новую книгу — повесть «Страна холода (Детство в Гипербореях)», а ведущее сейчас в стране научное издательство «УРСС» (Москва) наконец-то, почти после годичной задержки — со ссылкой на кризис мирового финансово-спекулятивного империализма с примкнувшей к нему (это как Шипилов в свое время) Россией — начало готовить к изданию мою научную четырехтомную монографию «Феноменология ноосферы» — дальнейшее развитие учения В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, то есть, сферу-планету разума. Понятно, с учетом современного уровня знания, Владимиру Ивановичу в 20-е годы XX века не известного.

А вот сейчас прокрутил все это в голове и рассмеялся. Над собой и своими неуклюжими попытками самооправдания; дескать, у плохого танцора всегда пол виноват: шербат или неровен. Дело все в том, что, во-первых, видно, не до конца продумал «генеральную линию» этой повести, ибо привык заносить на бумагу, далее уже ничего не исправляя, уже в мыслях построенную от *А* до *Я* книгу. Во-вторых, требовался некий толчок, запусковой механизм на творческий процесс и горение души, позволивший бы выйти из апатии, несколько затянувшейся по причине некоторой доли усталости — все же за уходящий 2009-й год издал три художественные книги, включая 700-страничный роман «Любовь новоюрского периода» — и неуютного климата наших мест в этом же году: холодное лето плавно перешло в аномально теплую осень и уже в такую же декабрьскую «зиму». В итоге половина года — какие-то слякотные сумерки.

Как уже повелось в наших палестинах со времен Горби-демократизатора, такой

запусковой толчок может быть только в форме полного негатива. И случается он ежегодно в августе или поздней осенью. Первое — это дефолт, «Курск», спектакль *ГКЧП* опять же. А мрачная поздняя осень — это «Норд-ост», серийные взрывы, пожары, словом, полный апокалипсис. Метко еще Андрей Платонов заметил, что (пишу по памяти, потому не закавычиваю) русское овражистое поле в половине девятого позднего ноябрьского утра есть апокалипсическое видение. И дважды апокалипсическое, если на этом малорадостном фоне гремят взрывы, пылают пожары, без конца людская кровь льется.

А в этом-то году позднеосенний апокалипсис и вовсе приобрел зловещую ритуальность: с интервалом в неделю, по пятницам, ночью... Причем «Невский экспресс» подорвали в первый день мусульманского праздника Курбан-байрам и в годовщину ареста подозреваемых в подрыве того же «Невского экспресса» 13 августа 2007 года. И как-то очень уж резво, в голливудском стиле, ответственность за нынешний взрыв взяли на себя «ваххабиты» из чеченской бригады шахидов «Риядус Салихийн» и одновременно с ними вовсе немислимые бойцы из некоей группы «ингерманландских сепаратистов» под названием «Комбат-18».

С ума можно сойти! Уже и наши мирные чухонцы из-под Питера объявили России рельсовую войну. А если добавить к сказанному, что в тот же день на *ВДНХ* (ныне *ВВЦ*) устанавливали после семилетнего ремонта «Рабочего и колхозницу» Веры Мухомовой, то совсем можно увязнуть в конспирологии.

...И еще нелишне напомнить, что этим экспрессом ездят люди не бедные, цена билета четыре тысячи рублей, а вечерним пятничным и вовсе сановитые: питерские выдвиненцы в уик-энд возвращаются с недельной службы в Белокаменной на выходные в Северную столицу: навестить домашних, еще не успевших перебраться в Москву. Заставляет задуматься, да?

Прошла неделя, причем обычно многоречивое телевидение как-то вяло поговорило об аварии на Николаевско-Октябрьской железной дороге и спустило на тормозах. И снова в ночь с пятницы на субботу, то есть аккурат между праздничными недельными днями монотеистических религий — самой молодой и древнейшей, — ужасное происшествие в Перми, пожар в «Хромой лошади» (опять мистика): за сотню погибших в одночасье, столько же с тяжелейшими ожогами. И в эту же субботу, в День сталинской конституции, открытие реставрированного «Рабочего и колхозницы» и завершение Курбан-байрама.

Все смешалось в доме Облонских...

Читатель, извини, что дал «кривизну» от линии предполагаемого повествования о Вожде. Это все к делу, к объяснению запускового механизма-толчка. А, собственно, толчок дали две пожилые женщины: я шел с работы домой и, как всегда, путь мой лежал через толстовский сквер с одноименным памятником, усилиями занятой украшательством городской администрации недавно превращенного в некое подобие кладбища (особенно осенью и зимой) с криво установленными надгробными плитами, перемеживаемыми фонтанами. Обгоняя опять же этих двух дам с одной собачкой, кстати соседок по ближнему моему дому, краем уха услышал явно реплику по поводу пермского пожара: «...Сталина на них нет!» Некстати вспомнил, что обе почтенные пенсионерки, как они сами говорили, на недавних выборах в тульскую областную думу, оскандаливших город и область на всю страну (25 % избирателей «взяли» открепительные талоны...), голосовали за ныне правящую партию.

Вот так-то, господа-товарищи: когда совсем невоготу, то только и вспоминаем о Вожде.

Все. Толчок дан, теперь расписался, завелся. Кстати, заодно и придумал рецепт, как, передавая в художественной форме мысли Вождя, стилизовать их под сталин-

скую ясность и краткость. Рецепт оказался прост: обдумывая перед записью ту или иную фразу «от Вождя», стараться мысленно же произносить ее неторопливо, размеренно и... с имитацией легкого грузинского акцента.

Но все же позволю — роскошь, доступная только авторам — еще одну *nota bene*. Только-только по главному госканалу *ТВ* показали сериал-фантазию «Вольф Мессинг. Видевший сквозь время». «Мессинг, лгущий сквозь время», — как ядовито заметила «Литературная газета». Кстати, в рамках вольнолюбивой фантазии сериал снят замечательно. Особенно на фоне 1000-серийной цыганщины — Кармелиты и бесконечных милицейско-бандитских боевиков.

Так вот, в «Мессинге» персонифицированный Василий Сталин презрительно говорит о кремлевской верхушке, что-де все они боятся Вождя. И еще триста лет после его смерти будут бояться. Совершенно был прав киношный Василий Иосифович: боялись при жизни и теперь опасаются. И всегда будут опасаться, держа в голове и тот факт, что Хрущев, первым оболгавший Вождя и вынесший его из Мавзолея, сам вскоре был ввергнут в ничтожество, в единый миг трансформировавшийся из хозяина на 1/6 земной суши, плюс полмира стран-сателлитов, в персонального пенсионера союзного значения; это где-то 160 рублей пенсионера.

Казалось бы, в стране уже под двадцать лет проводится перманентная политика государственного антисоветизма, то слегка ослабевая, как сейчас, то возбужая перед выборами главной законодательной и исполнительной власти — чтобы не дать *КПРФ* свыше 15 % голосов. И Сталин суть для *СМИ* злодей из злодеев, почище Гитлера и самого Антихриста. Но вот удивительно: на экранах *ТВ* чего только не плетут о Ленине, его марксистских предшественниках и последователях, героях революций 1905—1917 гг., сталинских наркомов! Как только их всех не пародируют эстрадные смехачи-плясуны! Но вот Троцкий и Сталин — табу, фигуры умолчания. Ну, Лев Давыдыч — это всем понятно, свой *СМИ*-шникам в доску, нечего его прах тревожить. А вот Сталин-то почему в *ТВ*-сетях? При всей ненависти этой братии к Вождю? А потому что опасаются, ибо имя его уже приобрело мистический ореол, более того — мистическое значение и смысл. И боятся в жизни очень даже острожные и рассудительные киношники, теле-топ-ведущие и эстрадные смехачи-плясуны, с молоком матерей своих впитавшие мистику и иррациональность Каббалы и демонизацию Франкенштейна, ох, как опасаются всеу поминать имя Вождя! Это уже историей стало. Как могила Тамерлана. Кстати, ее вскрыли без ведома Вождя — 22 июня 1941 года в половине четвертого ночи по московскому времени...

Господь с ними со всеми. И напоследок, в заключении растянувшейся преамбулы, коль вспомнили об истории, еще одна реплика.

Наверное, я очень наивный в практической жизни человек, ибо родился и вырос в Заполярье, в вотчине Северного флота, где люди держат курс по компáсу, а не нос по политическому ветру. Но как-то недавно заинтересовался: а о чем сейчас пишут современные российские писатели? И получилось, что большинство как-то в одночасье перекинулись на историческую тематику, причем желательно дальнюю, времен Киевской Руси. Оно и понятно: живых свидетелей Святослава, Олега, Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха не сохранилось даже в поколенной памяти. Бери собрания сочинений Карамзина, Соловьева, на худой конец Костомарова, если наметили об истории ныне самостийно-незалежной сочинять. Далее выбирайте князя, который более люб,— и сочиняйте, что в голову придет, все одно антураж и этнографию, их исторические реалии никто не сможет проверить. Если только профессиональные историки? — Но они беллетристику не читают, нет времени за написанием своих трактатов. Тем более, что некогда самая читающая страна ныне перешла в статус самой пишущей-издающей, хотя бы и тиражами в 100 экз. Налицо превышение предложения над спросом... — Это

мы говорим о заматеревших еще во времена направлявших руку с пером обкомов и райкомов.

И молодые сочинители тож ударились в историю, причем новейшую, но — «параллельную», то есть опровергающую формулу римского права: история не имеет сослагательного наклонения. Фабула их книг: а что было бы, если?.. Сам грешен, ввел такое сослагательное наклонение в романе «Историк и его История», опять же о Сталине. Но ведь и подзаголовок у книги соответствующий: авантюрный роман.

Еще можно понять, почему мало пишут на темы современности: жизнь наша настолько идиотична и виртуальна, скучна и однообразна, бессмысленна и пр., что рука не поднимается взять «паркер» китайской фабрикации или положить руки на клавиатуру «компа» того же производства. Это все одно, что изо дня в день смотреть новости-старости по *ТВ*: бесконечные репортажи из моргов и лицезрение хорошо питающихся от щедрот власти попов-батюшек. Кстати, очередной чудовищный эксперимент над нами: в XXI веке в стране полного атеизма, причем не только и не столько наследия советского периода истории, но еще задолго до революций созревшего в народе отождествления церкви с самодержавием, в такой вот стране еще недавних «мечтателей и героев» снова навязывают ошеломленному народу ту же самую госцерковь!

Итак, о современности писать, что резину жевать. Но ведь какое широченное поле, почти размером в Великую евроазиатскую степь, открылось в начале 90-х годов для романов-фантазий о России 2020-го, 2030-го и так далее годов! Пиши — не хочу. И спрос читательский налицо. Так оно и было еще лет пять-шесть тому назад, а сейчас как обрезало.

На эту тему, как сейчас на новоязе говорят, сказал мне друг и коллега по «универсу», многомудрый в жизни Федосеич: «А что ж ты, батенька, хотел? Демократический 37-й год уже на дворе!» Не поверил я поначалу Федосеичу; хотя уже во втором поколении из обрусевших западноукраинцев, настолько западных, что отец его в молодости жил при немецком фольварке и носил шляпу с пером и короткие штаны с пуговкой под коленками, но хохлацкая флегма, скептицизм и ожидание худшего и через десять поколений в генах остаются.

Но вот в «Литературке» прошлым летом из номера в номер развернулась полемика о некоем московском фантазере-писателе, издавшем несколько романов о Москве будущих времен, где-то четвертой пятилетки XXI века, а судебные власти, чуть ли не знаменитый Басманный суд, завели против сочинителя судебное дело по грозным статьям: национальная рознь, призывы к терроризму, прегрешения перед толерантностью, сексуальной терпимостью (это о гомосеках), гендерностью и прочими общечеловеческими ценностями.

Ну, думаю, кому-то лично автор не угодил, или в судебной системе образцово-показательный месячник проводили... Да еще успокоил тогдашний глава страны, когда ему на пресс-конференции задали вопрос по этому или схожему прецеденту. Ответил с присущей ему категоричностью, что-де заставь дурака богу молиться, так он и лоб расколошматит! — Это, как я понял, о ретивых защитниках закона, которые торопятся, якобы, угодить властям, даже в усердии забегая далеко вперед. К таким вполне применимы слова из повести Александра Исаевича: «Тебя не *гребут*, и ты не подмахивай».

Но вот, опять же на днях, зашел ко мне в университет давний друг и приятель, которого я взял за прототип суперохранника в романе «Подводная лодка «Капитан Старосельцев», ныне подхорунжий Тульского отдела Центрального казачьего войска (такое и во сне не приснится!), обучающий городских казачков рукопашному бою, сабельной рубке и — по его словам — стрельбе из всех видов носимого и переносимого оружия.

Друг Саня всегда приносит что-то занимательное, ибо состоит функционером в какой-то казачьей службе безопасности и надзора за исполнением чего-то... вроде законов. И на этот раз положил передо мною подшивку нескольких листов — копию официально опубликованного чуть ли не Госдумой списка современных художественных и публицистических книг, распространение которых запрещено постановлениями судов — различных, от Калининграда до Владивостока. И в этом скорбном списке значилось более пятисот наименований (!?). Мигом в памяти всплыли эпизоды истории: турки жгут знаменитую Александрийскую библиотеку, Екатерина-царица приказывает изъять и уничтожить книгу Радищева, комиссия Луначарского — Крупской составляет список тысяч книг, неуместных в советских библиотеках, штурмовики фюрера лихо бросают в костер тома не только евреев Гейне и братьев Маннов, но и потомственных писателей-арийцев...

А может, и прав старина Федосеич? В списке том много русских и мусульманских авторов, националистов и просто лихих патриотов. Нашел несколько знакомых «из столиц и университетских центров», даже пару книг научного коллеги *Ш.* из Москвы, доктора медицинских наук.

...Однако пора и к теме этой книги вернуться и сказать о Вожде то, что и было задумано как авторское предисловие. Но нет, не дает покоя событие «запускового механизма»: сгоревшая «Хромая лошадь» — символ охромевшей на все четыре раскованные ноги кобылы, что есть нынешняя наша страна, самый некомпактный кусок расколотой сверхдержавы *СССР*, созданной Вождем вопреки всем обстоятельствам, агрессивно противодействовавшим этому. Странная ситуация: о «Невском экспрессе», жертве теракта со многими погибшими, в *СМИ* уделены некое дежурное внимание и время и умолкли. Еще раз подчеркнем: жертвы направленного теракта, вполне приличные люди, даже если среди них и видные чиновники; что не говори, но на государственной службе, в рамках своей компетенции и государства делающие необходимую для того же (какого? — неважно) государства работу.

Но через неделю сгорел ночной клуб, символ безудержной наживы, с одной стороны, и холерического веселья на грани полной распущенности — с другой. И причина такой тяжелой трагедии, как гибель сотни с лишком человек, а другая сотня борется со смертью на больничных койках, в полной безответственности владельцев сомнительного заведения, озабоченных только прибылью, а лучше — сверхприбылью. Но только ли? А сама-то публика? Уже несколько дней все новости на *ТВ* начинаются с кадров, заснятых кинокамерой в момент начала пожара. И школьник второй ступени безошибочно скажет: так в зале половина пьянующих, а вторая под наркотой! Потому-то и свалка вместо более или менее организованной эвакуации, что бы и было с соображающими людьми.

И еще один характерный момент. Не знаю, может, в Перми народ красиво и раскрепощенно живет, а то и по всей России уже по ночам «гуляют и пьют, не закусывая», как сказали об Америке одесские классики, но из того же *ТВ* такие интересные факты не живущие в Перми и не ходящие в ночные клубы узнают.

Дикторша скорбит: ведь у многих погибших остались маленькие дети (?). Спасшийся мужчина очень даже средних лет скорбит о погибшем же друге сорока двух лет (??), отце двух детей (???). И что этих молодых и не очень отцов занесло в «хромой» шалман? Одни вопросы, вопросы, вопросы... Вряд ли подгулявшие работяги из Мотовилихи, индустриальной окраины Перми, забрели туда на огонек.

Ну, господь с ними, с клиентами веселого заведения, тем более жертвами страшной трагедии. Человек верующий помолится за их души; просто добросердечный, не злыдень, скорбно промолчит. Но вот что не укладывается в голове здравомыслящего, просто мыслящего самодостаточно: тотчас высшая власть заявила о денежной помо-

щи пострадавшим, их семьям. Понятно, что из государственных денег, то есть, денег налогоплательщиков, наших с вами, или недоплаченных нам, работающим, за труд. Не за пресловутый *business*, не за околачивание груш, не за делание денег из воздуха, а именно за *производительный труд* промышленных рабочих и инженеров, учителей и врачей.

А почему государство должно платить за владельцев частного танцпритона, спаливших его, хотя бы и не преднамеренно, с четвертью тысячи людей? Здравый смысл подсказывает: они люди не бедные, так и заставить их выплатить компенсации (жутко все это: компенсация за смерть) из своих сверхдоходов! Но об этом в *СМИ*, в гневных речах высших госчиновников даже намек нет. А разгадка в соответствующих статьях ельцинской конституции: частная собственность священна. А раз священна, то даже при всемирном потопе никто не заставит бизнесмена, даже делающего деньги на крови, проституции, наркоте и пр., поделиться своими доходами. Окончательно это завуалированное положение основного закона, хотя и неявно, закрепила отмена несколько лет назад статьи о конфискации имущества и счетов у осужденных. Понятно, не за кражу кило колбасы или буханки хлеба.— В отличие от Конституции сталинской, в годовщину которой и сгорела «Хромая лошадь».

И другой вопрос у нормально мыслящих людей на устах: эта китайская пиротехника, фабрикуемая наспех из всякого картонажного дерьма по деревьям Поднебесной, уже всем осточертела и стала причиной великого множества пожаров, травм и смертей. Кажется, ясно: запретить ее ввоз в Россию и перестать обогащать казну Китая, кстати, вполне возможного уже в скором будущем геополитического противника нашей страны!

Но, увы: во-первых, все та же священность частной собственности и накопительства любой ценой (*business'a*, то есть) для отечественных торгашей-перекупщиков дает «стоп»; во-вторых и в основных: Россия сегодня настолько беззащитна в области мировой экономики и политики, что даже запрет на ввоз этой китайской дряни грозит ей обернуться эффектом «ножовки Буша». Ведь сколько раз пробовали запретить ввоз в страну этой полухимической отравы, но *США* чуть ли не угрозой разрыва дипотношений заставляли снимать запрет...

Да-а, плохо в этом мире слабосильному. Тем более России, у которой, как сказал мудрый император Александр III, есть только три союзника: ее армия, флот и Сербия. Увы, армия сведена к ничтожеству, флот продан Индии и Китаю, преимущественно на металлолом, а Сербию разбомбили америкосы.

...Уже почти два десятка лет после каждого очередного крупного несчастья, добывающего веру людей в справедливость современного государства, многие из нас восклицают в сердцах: «Сталина на них нет!» И заметьте: восклицают не обязательно те, кто хотя бы детство и юность провели до 1953 года — это уже относительно малая часть населения страны,— но чаще те, для кого Вождь уже история, бывшая до их появления на свет в этом не лучшем из миров.

Самое существенное, что это произносят — изустно или про себя — и люди, хорошо ориентирующиеся в исторической геополитике. Ведь призывают не князя Святослава, избавившего Киевскую Русь от хазарской «опеки»; не Ивана Грозного, пославшего Ермака Тимофеевича присоединять к уже Московской Руси Сибирь, то есть половину Азии, а главное, институтом опричнины окончательно свернувшего шею боярскому местничеству — последнему отголоску княжеской раздробленности, в XII веке погубившей Киевскую Русь; не Петра Первого, давшего Империи выход в Балтийское море, начавшего оттеснять турок с исконных русских земель на юге и продвинувшего пределы России на запад; не Екатерину Вторую с Потемкиным, сбросившим турок в Черное море, вернувшим Крым и Новороссию, включившим в состав

Российской империи Молдавию, одряхлевшую политически Польшу и много чего другого; не умного царя Николая Первого, решившего в пользу России «кавказский вопрос»; не царя-миротворца Александра Третьего, самого русского из царей (почти чистокровного этнического немца), завоевавшего Среднюю Азию, тем самым, как и Николай Первый с Кавказом, обрубив здесь загребушие лапы «двуспальному английскому леве», «англичанке», как говорили в те времена; а главное, Александр Александрович задумал и начал сверхуспешно и активно претворять в жизнь, пожалуй, самый главный, грандиозный геополитический проект: поворот главного вектора, обозначенного некогда Петром (то ли по недомыслию, а может, исходя из тогдашнего *status quo*), от гибельной для России ориентации на Европу — на Дальний Восток. Началась успешная экспансия Империи в Тихоокеанский бассейн: строится Транссибирская магистраль, в российскую сферу влияния входят Манчжурия, Монголия, Корея, русские военные корабли высаживают десанты на тихоокеанских островах и архипелагах, ныне находящихся под протекторатом *США*, готовится установка русского флага на Гавайях и индонезийских островах. Помните сладко-кисельные рассказы в школьных (советских) учебниках о мирном путешественнике-исследователе Миклухо-Маклае, изучавшем быт индонезийских аборигенов? А был он главным резидентом разведывательного управления Генштаба (нынешнее *ГРУ ГШ*) в Индонезии, полковником *ГРУ*, собиравшим разведанные для экспансии России в эти голландские колонии.

...Этот гениальный геополитический проект позорно загубил самый бездарный и глупый русский царь Николай Кровавый (Кровавое воскресенье, Ленский расстрел, Столыпинские галстуки), ныне произведенный в святые *РПЦ*, тонко чувствующей конъюнктуру и повторяющую ошибку своих предшественников от времен Петра, то есть, вновь становящейся госцерковью, да еще, как уже сказано выше, в полностью атеистическом государстве.

...Так почему, когда жить всем нам невольно становится, а быть безличным винтиком гены не позволяют, мы обращаемся к делам и памяти Вождя? Повторимся: имя его уже стало сакральным символом наивысшего величия России — *СССР*.

Самое удивительное: как наше *ТВ*, руководимое очень пронизательными, хорошо информированными обо всем происходящем в мире, особенно в России, конспирологическими силами, «проколосось» в не столь давнем (2009-й год) помпезном шоу «Выбери имя России!» Они что — не знали: 60—70 % населения страны встает и засыпает каждый день с мыслью: «Сталина на них нет!» Или это была грандиозная «проверка на вшивость»: по итогам опроса скорректировать курс политической власти (в пользу ее, конечно), например, временно ослабить, или, наоборот, усилить, государственный антисоветизм, подождать или ускорить ритуальный вынос Ленина из Мавзолея... Скорее всего, так. Увы. Но конфуз вышел великолепный во всех отношениях!

Надеюсь, читатель не забыл: к самому финалу шоу первым именем России уверенно шел Иосиф Виссарионович. Поскольку заказчики-ангажиторы *СМИ* к этому времени уже получили нужную им масс-медиа-информацию, то телевизионщики спешно начали рубить концы (термин флотский). Сталина поспешно оттеснили на почетное партерное третье место, а первым поставили Александра Невского — фигуру, вообще говоря, нейтральную и всех устраивающую: правых и левых, центристов и абсолютно равнодушных. Даже бомжей и *олигархеров*. Православных и мусульман (см. ниже), даже буддистов и иудеев — их в XIII веке на Руси не было.

...Но тэвэшники, вроде как, совсем и окончательно нюх утратили, выставив на пьедестал Александра Ярославича. Их, видимо, во *ВГИК*е, *МГИК*е, или где там их дрессируют, даже ближней истории не учили. Не взяли они во внимание, что до Ве-

ликой Отечественной войны фигура Александра Невского — и в советской, и в царско-романовской, да и в рюриковской историографии — мало чем выделялась из сонма многочисленных правителей удельно-раздробленной Руси — между Киевской Русью и Московской Россией. Определенный статус в качестве святого и благоверного князя он имел, преимущественно, в Русской православной церкви, а также в автокефальных православных церквях Сербского и Болгарского патриархатов.

Национальным же символом Невского сделал... Сталин во время Отечественной войны. Вывел из исторического забвения. А теперь думайте: как предпочесть создателю сверхдержавы СССР одного из многих удельных князей, большую часть времени своего княжения проведшего в золотоордынском Сарае за испрашиванием ханского ярлыка... А пятьсот тевтонских рыцарей он разбил, как пишут многие историки, не только гипермодернисты Фоменко и Носовский, при серьезной помощи татарской конницы, посланной ханом в помощь своему подданному...

Если названные выше князья, цари и императоры уже получали под свой скипетр и державу достаточно устойчивое государство и пусть делали во время своего царствования великие дела, но они *расширяли* пределы страны. А Сталин, говоря всем известными словами Черчилля, принял страну с сохой, а оставил с атомной бомбой. И добавим, принял общипанную страну на западе: Финляндия, стратегические острова на Балтике, Латвия, Эстония, Литва, Польша, «ополовиненные» Украина и Белоруссия, Молдавия; на Кавказе турки оттяпали часть Армении, а на Дальнем Востоке японцы и китайские милитаристы сделали невозможным нормальное функционирование *КВЖД*.

...А Польша после троцкистской авантюры и военной бездарности Тухачевского с мышлением подпоручика нахала столько, что после Рижского мира пришлось столицу Украины переводить из пограничного Киева в Харьков. А как объяснить, что Ленин с Троцким, скорее Троцкий с Лениным, даровав независимость стране Суоми, не отодвинули ее юго-восточные границы хотя бы за пределы обстрела Ленинграда дальнобойной артиллерией (30 километров), не оставили под базы пару островов в Финском заливе и на выходе в Балтику, а главное — оставили (считай, отдали) Финляндии выход в Баренцево море с Петсамо, ныне российская Печенега, с огромными запасами никелевой руды. И именно Петсамо до 1944 года, до выхода Финляндии из войны, наряду с железной рудой из юго-западной Норвегии, кормило германскую военную промышленность. А ведь до начала разработки финского никеля немцы по всему миру собирали никелевые монеты, что шли на производство броневой стали (!?).

И оставил Вождь сверхдержаву СССР, вернув ее к границам царской империи, забрав японский «должок» с 1904 года — половину Сахалина, Курилы, Порт-Артур и *КВЖД*, полностью привязав к СССР Финляндию экономически, а Польшу еще и политически, «прихватив» в 1943 году от Китая Туву с ее урановыми месторождениями (это называется — Вождь только в Потсдаме в сорок пятом году узнал от Трумэна об атомном оружии?)... Оставил не только с атомной бомбой, но и с готовой водородной, которой у американцев еще не было.

Оставил со сплоченным советским народом ста национальностей, с мировой системой социализма на Западе, в Европе, и на Востоке: Китай, Монголия, Северная Корея и Вьетнам.

Оставил с восстановленной полностью страной, с мощной промышленностью и сельским хозяйством, с танковыми армиями в *ГДР*, в полной боевой готовности, с офицерским и унтерским составом, прошедшим Великую войну; по первому приказу в считанные дни пропахали бы всю Западную Европу и вышли тремя колоннами к Ла-Маншу, Пиренеям и Лазурному берегу. А погруженная на десантные корабли дивизия первого удара с Земли Франца-Иосифа уже выбивала бы натовцев из Исландии.

дии. И не были бы препятствием американские атомные бомбы без «дальнобойных» носителей. Да и своих уже достаточно понаделали.

Главное же — покинул Вождь этот не лучший из миров, создав такой промышленный, научный, идейный и пр. задел, остатными плодами которого мы сейчас только и живы; в смысле — еще жива Россия как (пока еще, опять же) государство, а не территория, поделенная между алчными западниками-восточниками...

Вот почему в случае грозной опасности мы, атеисты до мозга костей, инстинктивно крестимся и также инстинктивно восклицаем: «Сталина на них нет!»

Именно в силу величия дел Вождя его злопыхатели бессильны напасть на его могилу. Единственное их «оружие» — это миф о ГУЛАГ^е. Ох, как взывают при отождествлении его с мифом ратоборцы из «Мемориала»! Кстати, а задавались ли вы, читатель, обыденным вопросом: на какие деньги существует — и не бедно — эта разветвленная по всей стране организация? Кто же вам ответит на такой нескромный вопрос... Это фигура умолчания. Нескромно его и задавать, равно как и рассуждать о полном госфинансировании современной *РПЦ*. При всем нашем уважении к каноническому русскому православию. Впрочем, выше мы уже привели ремарку на этот счет.

Мифология всегда являлась верной служанкой большой политики. В древние времена, в особенности в античной Греции, в Древней Индии, миф и вовсе составлял суть всей жизни государства. Индийские «Махабхарата» и «Рамаяна», гомеровские «Илиада» и «Одиссея» воспринимались современниками их создателей не как собственно миф, виртуальность, но как реальная история, бывшая до них, а теперь продолжающаяся в обиталище богов, на том же Олимпе Эллады.

Самое существенное, что древние мифы были по-преимуществу героическими. Как сказал почти уже наш современник Карл Шмит: *«Воинственное революционное воодушевление и ожидание чудовищных катастроф присущи интенсивности жизни и двигают историю»*.

Увы, мифы XX века далеки от героизации и являются «служебными» — даже без закавычивания: они именно служат в бесконечном противостоянии наций, государств, классов, а во всемирном масштабе — геополитических блоков, той же «суши» и «моря» по Карлу Хаусхоферу, а против всего мира — тайных конспирологических сил: масонов, тайного мирового правительства и пр.

Некоторые мифы, уверенно перешедшие из века минувшего в наши дни, полагаются в интернациональном «общественном мнении», то есть, мнению вненациональных *СМИ* с их тайными хозяевами, настолько неполиткорректными, что называть их публично и просто опасно... Это как в Польше, всегда бывшей яркой ненавистницей России, согласно новейшему их закону (от 10 декабря 2009 г.), за демонстрацию советской символики, в частности серпа и молота, положено два года отсидки в ихней дефензиве.

...Не было бы счастья, да несчастье помогло. Это к тому, что мы сейчас наблюдаем в самостийной и незалежной соседке по западной границе рождение нового, понятно, антисоветского, антирусского, мифа. А быть очевидцем — значит не стать жертвой оглупления *СМИ*, иметь информацию из первых, так сказать, рук.

Это миф о *голодоморе*, причем нынешняя украинская власть однозначно вкладывает в это слово вовсе не голод, как следствие нескольких подряд неурожайных засушливых годов восьмидесятилетней давности, что охватил почти всю европейскую часть СССР от Днепра до Волги, причем страна еще не имела в то время резервных запасов продовольствия: только-только оправилась от разрухи после Гражданской войны.

Кстати, в Поволжье этот голод покрыл намного бóльшую территорию и унес жизней на порядок больше, чем на Украине. И бежать от него в более сытные места с

Волги тогда было некуда, в то время как голодающие на Украине (не «в Украине», как приказал России величать ее предыдущий самостийный президент...) садились на поезд и через сутки прибывали в Тульскую область, правда, тогда входившую в Московскую, где не хватало рабочих рук на шахтах и стройках Бобрик-Горы, будущего гиганта химии Сталиногорска, ныне Новомосковска.

А голодомор мифологизуется именно как умышленное умерщвление голодом украинского народа москалями. Ни много, ни мало. Поскольку же почему-то — и очень некстати — фотографий изможденных голодом живых трупов на Украине не сохранилось, то самостийные *СМИ* и власти воспользовались поволжскими фотографиями, даже разместив их на стендах спешно устроенных выставок и музея голодомора... Это мы уже из сообщений отечественного *ТВ* знаем.

Кстати, здесь незалежные правители не оригинальны. Как говорят одесситы, аналогичный случай был в Америке, когда там создавался еще один миф XX века — о лунных экспедициях 70-х годов. То у «астронавтов-лунников» некачественная пленка в кинокамере оказалась, то они фотоаппарат при отлете на Земле оставили... Вот и приходилось орденоносцу-оскаровцу Стэнли Кубрику потом снимать в павильонах Голливуда «одиссеи капитана Блада».

Кстати, самое интересное в лунном мифе даже не фильмы Стэнли Кубрика. Это и сами американцы не отрицают сейчас; но вот в чем «прокололся» *СССР* в своей космической программе, или какое серьезное прегрешение в отношении *США* совершил, что явно договорились непримиримые враги баш-на-баш молчать? Ведь наш славный агитпром вряд ли бы упустил возможность раздуть шумиху вокруг такой развесистой лунной клюквы?

Вряд ли мы это узнаем когда-либо.

Итак, уже вчерне вырисовывается и сценарий рождения и поддержания мифа о *ГУЛАГ*е, пожалуй, единственном, что могут недруги Вождя бесконечно раздувать в качестве грандиозной иллюстрации в демонизации Сталина.

Говоря выше о голодоморном мифе, мы особо подчеркивали: информацию всякого щекотливого, опорочивающего свойства надо получать только из первых рук. Так же надо поступать и в отношении гулаговского мифа.

Давай, уважаемый читатель, рассуждать здраво и без эмоций, хотя бы даже если по биологическим законам только восемь процентов людей может мыслить самостоятельно, то есть, сейчас без подсказки *СМИ*.

С явно не легкой руки писателя-средняка и скверного историка Солженицына, уже упомянутого выше, внесшего заметный вклад в разрушение *СССР*, современное «поколение *нект* и *пепси*» бездумно повторяет: Ленин зарезал сорок миллионов, а Сталин еще сто расстрелял. Но эту книгу будет читать иное поколение, условно говоря — бывшие «шестидесятники», нынешние шестидесятилетние. Даже не потому, что в младенчестве жили при Сталине, но их-то родители жили и трудились в эпоху самого что ни на есть «сталинизма-тоталитаризма». А вот теперь, уважаемый читатель этого славного поколения, вспомни рассказы своих родителей и их родственников, друзей, а главное: поищите среди них, вами известных, «жертв сталинизма»? Ведь *СМИ* как само собой разумеющееся твердят: от репрессий пострадал каждый четвертый советский человек (кстати, при Петре I — каждый третий).

Так где же эта четверть от 200-миллионного населения *СССР* в сталинские времена, то есть, с конца 20-х до начала 50-х годов? Будьте при этом честны и нелицеприятны, отделяйте безвинно пострадавших от, так сказать, совершивших прегрешения. Которые и до Сталина, и после него есть и будут, увы, атрибутом нашего несовершенного мира.

Я вот лично эту процедуру расспрашивания делаю далеко не первый год. И что

же? Среди своих многочисленных родственников по нисходящей до знакового 17-го года «жертв сталинизма» не нашлось, зато... хоть смейся, хоть плачь: одиннадцать лет отсидки получил в сорок пятом году единственный среди калужской родни отца человек «из органов», муж его старшей сестры, к тому же в немалом чине. Но получил-то вовсе не по знаменитой 58-1 статье, а за хозяйственно-должностное преступление. Блатных тогда и среди энкавэдэшников не водилось.

...И у десятков распрошенных друзей, знакомых, просто сослуживцев, попутчиков и так далее не то что $\frac{1}{4}$ родни с революционной поры, но едва ли 3—4 % попавших в объятия Фемиды насчитывалось. Да и то — кто полугодом в СИЗО с оправданием, кто двумя-тремя годами отсидки отделялись. Встречались и более крупные сроки, но в откровенных беседах редко кто с уверенностью указывал на 58-ю статью. А ведь и в благодушные брежневские годы в тюрьмах и лагерях всегда не менее миллиона пребывало. А сейчас сколько при полутора сотнях миллионов населения России?

И кто эти мои друзья, знакомые, соседи? Кем были в жизни их родители, прародители? — Рабочими, крестьянами-колхозниками, инженерами, военными в войнах и в мирное время, управленцами низшего и среднего звена, совпартработниками не выше районного уровня, врачами, учителями и преподавателями вузов, журналистами и писателями областного масштаба, учеными... вроде никакую характерную для СССР профессию не забыл. Возразят: так это пешки, серая рабсила, испуганно-исправно служившая тоталитаризму, не имевшая ни своего свободолобивого голоса, ни желания уйти из своего хлева, но теплого, отвернуться от корыта с пойлом, но дармового. И так далее. Узнаете интонации магов-вещателей из СМИ последнего двадцатилетия?

Вот вам и жертвы сталинизма. Исключая, быть может, некоторое число пострадавших при переусердствовавшем по малоумию Николае Ивановиче Ежове (многих до 40-го года оправдали), в реально пустоватую «корзину жертв» эпохи Сталина, то есть, повторимся, с конца 20-х до начала 50-х годов, ничтоже сумняшеся, эти самые СМИ и злобные сочинители типа Солженицына сваливают до кучи и подлинно многомилионные жертвы троцкизма и даже ленинизма — до обретения Сталиным власти, самих последышей Троцкого, затаившихся до 30-х годов, а главное — увы, многочисленных предателей и пособников лютого врага в годы войны... И совсем уж на полных современных дебилов рассчитаны рассказы эсмэишников о «сталинских расстрелах» после 45-го года, когда смертная казнь в СССР была отменена.

Впрочем, умозрительно пора дать слово товарищу Сталину.

...А в заключении растянувшегося авторского предисловия: считается, что муза поэзии посетила юного Джугашвили-семинариста, но тут же и оставила. Это не так. Это он осознанно отошел от нее, готовя себя к более высокому призванию революционера, государственного и военно-политического деятеля. Увы, в реализации этого призвания до стихов ли? Даже сложилось мнение, впрочем, неафишируемое по понятной причине, что если бы Иосиф Джугашвили продолжил свое творчество, то стал бы выдающимся грузинским поэтом. В частности, сам Илья Чавчавадзе предрекал ему такую будущность. Мы сочли нужным поместить стихи Сталина, тогда еще просто Джугашвили, по той причине, что именно из них мы понимаем изначальную душу великого, но тайного идеалиста.

И еще одна *nota bene*. Уже после написания этой книги попались на глаза два новых труда о Сталине: *И. Сталин «Цитатник»* и *трехтомник Бенедикта Сарнова «Сталин и писатели»*. Самое интересное, что уже к этому времени выбрал формат «Катехизиса». То же самое обнаружил и в «Цитатнике»: такой же формат.

Конечно, в наше время никто никому не верит, скажут: дескать, «слизал» автор оформление с «Цитатника», вот неловко и оправдывается. Но я — человек советско-

го, военно-морского воспитания, потому и поразился: уже выработался подспудно даже стиль оформления книг о Сталине!

С интересом прочел и Бенедикта Сарнова — при всей тенденциозности его книги, прямого антисталинизма. Каждый имеет право на свое мнение — см. выше. И опять отметил: суть взаимоотношений Вождя и писателей и в «Катехизисе», и у Сарнова, опять же подспудно, в определенном смысле совпали. Все сказанное в заключении настоящего введения весьма многозначительно.

Последнее замечание: явные повторы в книге — чисто художественный прием: ведь мы передаем размышления Вождя, простудно больного, в ночном бдении, когда мысли несколько закливаются... Пусть каждый вспомнит себя в аналогичной ситуации. С другой стороны, всякий, кто читал работы Сталина, вспомнит: Вождь намеренно делал такие повторы. Это, с одной стороны, известный прием оратора и политического публициста — «для масс», по принципу: повторенье — мать учения. С другой же, как мы давно подметили, такие повторы априори характерны для закавказских людей, прежде всего грузин и армян, изучивших русский язык в зрелом возрасте. Очевидно, такая дидактика построения речи самохарактерна для их родных языков.

ПРОСТИТУТКА ИСТОРИЯ

Вождь вошел в личную половину Ближней дачи, скинул шинель и повесил ее на крайний левый крючок вешалки. Невольно усмехнулся, вспомнив давние слова подпившего на дне рождения Штеменко Климента... какого к черту Климента! Вот еще папа римский нашелся... в зюзу пьяного Ворошилова: «Я, товарищи, настолько проникнут большевистским духом, что даже по лестницам поднимаюсь-спускаюсь держась левой стороны!» Хорошо, Берии рядом не было, а то бы заподозрил лихого рубаку в шпионаже в пользу Британских островов, где движение левостороннее. И что только на Лаврентия не вешают? Впрочем, после того шумного праздника, когда и он сам лишку хватил, два-три раза поддразнивал Клима английским шпионом. Глупо, конечно, но в каждом кругу общения свой юмор, даже казенный.

Положил на полку фуражку, чуть поморщившись от давней, надоедливой боли в предплечье больной руки, когда, забывшись, поднимал ее слишком резко. Застарелый артрит, как еще академик Бехтерев ему говорил, а по-русски говоря: сухотка.

Старость не радость, уже стаскивая с легким кряхтением сапоги, привычно думал он. И погода самая противная в середине февраля, влажно-морозная, с изморосью. Поежился, прогоняя легкий озноб, всунул ноги в короткие домашние валенки, растегнул и снял китель, с удовольствием облачился в теплую меховую безрукавку.

Прошел в кабинет, по привычке глянул на настенные часы: половина первого. Вот и день миновал. Оторвал от висевшего под часами простенького численника уже полчаса недействительный листок от 17 февраля 1953 года. Также машинально перелицевал в пальцах календарный листок, неприятно поморщился: на обороте лапидарные стихи о кремлевских курсантах. Что за черт! Только во время поездки в машине отогнал от себя неприятные мысли о сегодняшнем происшествии — и тут тебе снова на кремлевскую тему... Два часа пополудни Поскребышев, явно нарочито войдя с второстепенными бумагами, вскользь сообщил, что в «кремлевке» скоростижно умер генерал-майор Косынкин. «Академик Мясников звонил: с сердцем неполадки случились».

Какие неполадки с сердцем в сорок лет могут быть? Что за напасть такая: куда не поставит он проверенного, надежного человека, так что-нибудь с ним и случится? Нет, это не старческая подозрительность, это все факты. И факты малоприятные. Вот

и с Косынкиным: только недавно он назначил бывшего старшего прикрепленного (не любил он слова «телохранитель») комендантом Кремля, так тут и сразу... Начинают обкладывать матерого волка. В растворенную кабинетную дверь со стороны коридора послышалось вежливое покашливание. Вождь неторопливо полуобернулся, все продолжая держать в руке досадливый календарный листок.

— Товарищ Сталин,— спросил стоявший в проеме нынешний старший прикрепленный Старостин,— ужин в малую столовую?

— Нет, не буду...— Расслабившись в домашней обстановке от официальности Кремля, Вождь чуть было не добавил, что знобит его, простудный февраль, но тут же внутренне одернул себя. И чтобы исправить возникшую в душе некую неловкость, привычно (вот она — въевшаяся привычка даже мысленно обращаться к авторитетам) вспомнил из назидательных поучений отца Ираклия в далеком тифлисском семинарском бытии: «Внешняя дисциплина во всем должна соответствовать убеждениям выработанной строгости душевного склада. Такой гармонии трудно и сложно достичь, но потерять ее, а значит и утратить свое лицо, дело минутное; искушитель не дремлет!» Благо, был философствующий вероучитель не в монашеском постриге и наиболее удачные свои лекции по патристике* читал явно после вчерашних крестин; имел он и такую практику.

— ...Попроси принести чай сюда.

— Слушаюсь, товарищ Сталин.

Старостин, неслышно ступая своими сапогами по толстой ковровой дорожке коридора, пошел на кухню, а через пару минут — Вождь всего лишь успел подойти к письменному столу и остановился перед телефонным аппаратом спецсвязи, задумавшись: позвонить насчет Косынкина с уточнениями? — в кабинет вошла, также предупредительно кашлянув, дачная кухарка Матрена Бутусова, по зарплатной ведомости «повар питательного пункта объекта Кремль-9».

— Разрешите, Иосиф Виссарионович?

— Да-да, проходи, пожалуйста.

Кухарка с подносом прошла к письменному столу, сняла с подноса литровый заварной фарфоровый чайник и привычно поставила его на свободный внешний угол, подложив маленькую плетеную подстилку. Накрыла чайник «папахой», как называл хозяин этот упрощенный вариант купеческой куклы, поставила обочь на стол тонкий стакан в мельхиоровом подстаканнике, блюдец с порезанным лимоном и сахарницу с мелкими кубиками рафинада.

— Что-нибудь еще, Иосиф...

— Нет-нет, можешь быть свободна.— И все же позволил чуть расслабиться, пошутил:

— И так полчаса переработала от министерского распорядка!

Матрена дозволительно улыбнулась на слова обыденной шутки и интонацию хозяина и вышла из кабинета с опорожненным подносом самой простой жостовской выделки. Здраваться по утрам и прощаться по вечерам на даче не было принято. Как дома.

А дежурную присказку насчет министерского распорядка ввел в дачный обиход все тот же Ворошилов, которого после лишней для него стопки любимой «г'орилки з пирцем», как научил выговаривать по-хохляцки шут гороховый Никита Хрущев, тянуло на шуткованье. Имел он в виду установленный лет пять тому назад единый распорядок рабочего дня министерских служащих, согласно которому рядовые и средненазначенные работники служили до восьми вечера, а министры и их замы отправля-

---

* Наряду с догматическим богословием и гомилетикой, одна из базовых дисциплин в православных семинариях.— Прим. авт.

лись домой опочивать с боем курантов. Как-то само собой получилось, что Матрена Бутусова единственная на даче пользовалась правами министра на сон с нуля часов; хозяин еще с довоенных лет привык засыпать не ранее трех ночи, а прикрепленные, охрана и комендант дачи Орлов, как люди военные, подчинялись служебному графику.

Есть действительно не хотелось, да и вредно все это на ночь, но первый, обжигающий стакан чая выпил в несколько минут. Совершенно непроизвольно, подсознательно подумалось: Матрена, как обычно, заварила смесь грузинского с краснодарским, а на днях примет он здесь индийского посла, так следует и чай подстать его вкусам подавать. Еще в пути, в машине твердо решил: неделю-полторы проживет здесь безвыездно, переждет самую непогодную для него вторую половину февраля. А посол очень просил аудиенцию. Так пусть и приезжает; оно без дипломатических церемоний и лучше. Особенно зная о чем собирается просить посол: о поставках зерна. Ох, эти просьбы, просьбы...

Чай унял простудную неприятность в теле, но хорошо он знал: этот озноб не перейдет в ангину только если не покидать домашнее тепло дачи. Да и текущим делам такое удаление от Кремля явно не повредит. Это как в хорошо отлаженном механизме часов: все колесики-шестеренки вертятся исправно, а хозяин, заведя пружину, спокойно наблюдает за их ровным ходом со стороны. Это как поезда у Кагановича с минутной точностью ходят, что хорошо знает вся страна. Даже в присказку вошло.

А частые простуды и ангины в последние пять-семь лет не только возрастное... Нет, не только. Сказались сибирские ссылки, особенно сильная простудная хворь в Курейке. И в Гражданскую не в зеркальном спальном вагоне, царском наследстве, как иудушка Троцкий, по тылам разъезжал, а по фронтам мотался на перекладных.

Но все же здоровье подорвала война не столь давняя, которую почти суеверно, усилием воли так хотелось отодвинуть в памяти как можно дальше от сегодняшнего дня!

*Как состарился Ниника!
Он, побитый сединой...*

Усмехнулся: вот давно и родной язык, на котором иногда лишь говорил только в мыслях, уже воспринимается едва ли не как чужой, выученный.

Все же выпитый стакан чая, терпимо обжигающего язык и небо, взбудрил, отвел саможалостливые мыслишки. Знал: пройдет эта позднее-февральская непогода, пройдут простуды,— и он снова бодр, снова с головой занят своим огромным хозяйством:

*По стерне он, враг безделья,
Утирая пот, шагал...*

Всего-то два месяца без малого как стукнуло семьдесят три! И разве не с Кавказа он, где в таком возрасте пляшут до утра лезгинку на свадьбах внуков и надеются то же самое сделать в день венчания правнуков. Бракосочетания, поправился Вождь дисциплинированно.

От воспоминания семинарских стихов и отца Ираклия на ум тотчас пришел, хотя его и не звали, тогдашний однокашник Георгий Гурджиев. Надо узнать, попутно отметить, жив ли, где и чем живет этот залихватский мистик? С «лица необщим выраженьем» — где-то прочитал о нем. А вспомнился семинарский сотоварищ по постной похлебке по маниакальному интересу к числовой символике. С жаром истинного апологета часами мог говорить о сакральности трех шестерок и числа тридцать шесть.*

---

* Известное из теории чисел соотношение: $1+2+3+\dots+36$ равняется шестьсот шестидесяти шести — числу дьявола.— Прим. авт.

Еще Георгий пояснял сакральный смысл чисел-перевертышей. Вот и семьдесят три его нынешнего возраста «старика Ниники» не совсем уместно перевертываются на досадливый 37-й год. Да-а, жесточел Вождь, с одной стороны, тогда пришло-таки жесткое время перед начинающейся мировой сумятицей до конца обрубить все затаившиеся головы троцкистской гидры, но с другой... И нарком Ежов со слесарным образованием палку перегнул, впадая в кровожадное неистовство, и сами троцкисты «на местах» ошетинились, взамен себя стали мирный народ подставлять.

...Ему же, хозяину страны, затем пришлось в тридцать восьмом — тридцать девятом с помощью Лаврентия возвращать из лагерей почти всех упрятанных туда Ежовым. Да-а, наделал делов маленький ростом Николай Иванович! А где было стопроцентно надежные и не слабые на голову кадры брать? — Не от Левушки же Троцкого, тогда живого?

Эх, тридцать седьмой, тридцать седьмой — грозный и кровушкой людской достаточно политый. Чего только мне за него после смерти, если вдругорядь придут к власти в стране последыши троцкистов, не припишут? Уже про Запад умолчу...

Вот ведь проститутка история, как кто-то из высоколобых немцев сказал, а кто? — Каутский, Бисмарк... может и сам историк Фейербах? А вообще в образной манере Владимира Ильича: гнилая интеллигенция, тот же ренегат Каутский, иудушка Троцкий опять же. Но что-то про проститутку от истории он сам из уст Ленина не слышал, в трудах не читал, а их-то, включая черновые пометы и неизданные письма и заметки, все с карандашом прошел.

И не только про тридцать седьмой. Миллионы и десятки миллионов якобы расстрелянных на него, почитай единолично одного, навалят; чуть ли не половину, а то и всю двухсотмиллионную страну в лагерь посаженную. Борзые перья из затаившихся троцкистов легко сыщутся. Эх, тяжела ты, шапка Мономаха, тем более народного...

Как-то принес Лаврентий справку про наши «жертвы мирного времени», как он паскудно сказал; думал воспользоваться я ими в намечавшемся интервью с корреспондентом «Фигаро». Но что-то там *МИД* не согласовал, что ли... А потом и сам решил: не к чему перед западниками цифрами козырять, нам перед ними не оправдываться, тем более перед французами: мы за тридцать с лишним лет в двухсотмиллионной стране, обороняясь перед агентурой всего мира и, что намного опаснее, перед агентурой внутреннего и мирового троцкизма, да с учетом не одного миллиона затаившихся контрреволюционеров... словом, долго перечислять; так вот, за это долгое время и при массе факторов активного противодействия физически уничтожили шестьсот с небольшим тысяч прямых, неисправимых ничем, смертельно опасных врагов. И вряд ли более пяти-восьми процентов здесь случайные люди. Да и то дурацким усердием Ежова, будь он не к ночи помянут всей страной!

И это цифры! Именно цифры. Мне Лаврентий угождать не будет. Это он прекрасно знает, хитрый, но умный мингрелец.

...А французы за пять-шесть лет после своей революции, хотя и Великой в мировой истории, под гуманным лозунгом *liberte-egalite-fraternite** только на изобретение доктора Гильотена отправили свыше миллиона человек. И население Франция конца восемнадцатого века, если не изменяет память, имела в десять раз меньше, чем СССР. А сколько сотен тысяч, опять же за миллион, крестьян Бретани, Нормандии, иных углов Франции были перебиты войсками революционного Конвента, Директории? И пресловутой 58-й статьи у них не имелось. Хм-м, да такая статья имеется сейчас в любой, так называемой цивилизованной стране Запада.

Опять же к французам. Сколько же французов погубил Наполеон в своих революционных, а по сути завоевательных войнах? Много. Огромное число самых креп-

---

* Свобода — равенство — братство (фр.).— Прим. авт.

ких, здоровых, умных людей. И совершенно убежденно еще отец Ираклий говорил, что Французская революция и наполеоновские войны погубили на протяжении всего лишь одного поколения весь цвет французской нации; после этого французы и внешне-то стали другими. И еще добавлял Ираклий, видно вспомнив вчерашние крестины у купца Кермоклидзе: «Это все одно, как весь виноград в Европе стал совершенно другим после эпидемии филлоксеры в девятнадцатом веке. А значит, и все европейские вина приобрели иной вкус и аромат. Потому сохранившиеся в солидных замковых погребках вина урожаев до эпидемии получили специальное наименование «прафиллоксеры» и ценятся на вес золота!» Да, отец Ираклий умело доводил до их семинарских голов и саму сухую патристику, и живые примеры истории...

И что же? Европейская наука история возмущалась кровожадностью Конвента и Наполеона ровно до того времени, пока Европа, выполнив основную цель Французской революции, не стала благобуржуазным континентом. Тотчас Наполеон был возведен гласно и негласно в великие полководцы, и все дела Конвента, Директории и иже с ними отнесены к внутренним делам Франции. А в ней все это отнесено к учебникам истории. Жертвы забыты — об этом вообще неприлично говорить. И аминь. И как условная память о давно прошедшем и забытом — неизменный гимн «марсельеза»... как это? — Маршан, маршан!

Хм-м, вот такая она и есть, проститутка история. Особенно если сравнить с нашей революцией и с СССР, явно не вписывающимися в благобуржуазный континент Европу. Мы были, есть и будем для нее преступниками с пресловутыми миллионами безвинно расстрелянных, десятками миллионов сгноенных в сибирских, колымских лагерях. И так будет до тех пор, пока капиталистическая формация, согласно старине Марксу, а точнее — Гегелю Георгу Вильгельму Фридриху, по всему земному шару не уступит место социализму. Но и тогда история останется проституткой, ибо объявит тотчас наши, хотя и объяснимые, но все же жесткие меры — от этого никуда не спрячешься — таким пустячком.

Но не все так просто. Действует жестокий закон, который наши идеологические подхалимы успели объявить «гениальным предвидением товарища Сталина», а именно закон все той же гегелевской диалектики в конкретизации общественного движения: по мере приближения к социализму классовая борьба усиливается. Вот здесь тебе и отрицание отрицания, и единство и борьба противоположностей. Да и переходом количества в качество пахнет: та же эволюция гидры троцкизма и беда всех бед — биологический частнособственнический инстинкт человека.

Так вот, эта самая диалектика вполне в силах на какое-то время приостановить нынешнее победное движение социализма, а проще говоря — временно возродить на территории СССР и стран соцлагеря капитализм. Увы, это допустимо, но временно. Но от этого народу нашему будет не легче. Главное — потом все восстановится, скорее всего уже во всемирном масштабе и в несколько иной форме, отличной от советской.

Да, одновременно жесткий практик и неисправимый идеалист ты, товарищ Сталин!

*А в песне его звучала,
Как солнечный свет чиста,
От Бога великая правда,
Орлиных высот мечта.*

Но ведь разве можно хоть полслова об этом сказать? Даже не народу, это убийство всей нашей идеи подобно. А своему «ближнему кругу»?

...Вождь так громко рассмеялся, что через растворенную дверь явственно слышались, но скоро замерли, осторожные шаги кого-то из охраны дачи: Старостина или кого из его помощников; вроде как сегодня смена Тукова.

А он всего лишь представил выражения лиц своих сподвижников... скорее поневоле сподвижников, озвучь он им свои размышления о буржуазной реконкисте в СССР. На туповато-преданном лице Семена, как у кота, дыбом встанут знаменитые усы, которые он сам ему строго-настрога запретил сбривать, даже подстригать. Клима, если он не пьян в стельку, кондрашка хватит. И без того бабье рыло Маленкова совсем потеряет свое очертание, как бы стараясь таким туманом раствориться: дескать, ничего не слышал и не видел. Вечно бывший троцкист Никита зажмет фигу в кармане, а Булганин хлопнет с верхом налитый фужер коньяка. А вот умный Лаврентий — единственный кто поймет... Но на всякий случай может и пристрелить его.

Вот поэтому и не может он, хозяин полумира, заносить свои потаенные мысли на бумагу. Как не упрятывай эти записи, все одно потом найдут и против его же памяти используют.

И все же история — проститутка, а осознание этого есть составляющая бремени вождя. Переписывается же история бесконечно. Такая же первая древнейшая.

ВРЕМЯ ВОЖДЯ И КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ

Действие горячего чая прошло, озноб вернулся. Как же он не любил эту вторую половину февраля! Память о Курейке, Царицыне, или все же старость?

*Весь согнулся, погляди-ка,
Стал беспомощный такой.*

Усмехнулся, снял с чайника папаху, снова наполнил стакан. Не присаживаясь к столу, стоя, чуть нагнув голову, быстрыми глотками выпил чай с двумя маленькими кусочками-кубиками сахара. О лимоне и не вспомнил: чай с лимоном требует рассудительности и задумчивой медлительности во время чаепития. Как в портретно-живописной версии революционной биографии Ильича: на картинах Иогансона и других придворных мазил. «Ленин у прямого провода» и десятки других, похожих, где в руке вождя революции неизменный простенький подстаканник эмпээсовского образца со стаканом жиденького остывшего чайку с размахренным лимоном и интеллигентски прижатой к ободу черенком ложечки... Впрочем, эти Иогансоны четко умеют уловить конъюнктуру. И они нужны государству, когда умело работают на него. Та же канонизация образа Ильича со стаканом чая. С лимоном и ложечкой.

А вот он, товарищ Сталин, пьет крепко заваренный чай с сахаром вприкуску; топорится — без лимона, за работой — с ним. А в молодости чай не терпел, зато любил пиво, закусывая свежим черным хлебом. Это явно не для Иогансона со товарищи. Не тот стиль, не соответствует величию эпохи и *его* страны сейчас.

Однако это ознобленное состояние путает, мельчит мысли. Вот чай, уже не такой горячий, допит. Легче стало, но с работой сегодня ничего не получится. Вождь, как бы извиняясь, посмотрел на привезенные из Кремля папки, аккуратно уложенные Старостинным на правый внешний угол стола. И все срочное: корейские дела, текущие сводки по пятилетнему плану, отчет Лаврентия по водородной бомбе... И самые кляузные дела в папке Игнатьева.* Полный идиот! Чувствуется, что ставленник Никиты Хрущева. Надо его поскорее менять на того же Рюмина.

Чем-то этот Семен Ежова напоминает, но только в переложении известной притали: повторение трагедии есть уже фарс. Надо же додуматься до «дела врачей»? Эх, сегодня работа не пойдет. Вождь как-то неопределенно махнул рукой, присел на свой топчан-кровать, чуть кряхтя, заменил домашние валенки на длинные шерстяные носки, переключил, не вставая с топчана, на настенном пультике верхний свет на

---

* Семен Денисович Игнатьев, министр госбезопасности в 1951—53 гг.— Прим. авт.

придверный ночник, да еще робкий отблеск из коридора: не хотелось вставать — закрыть дверь.

А-а, ладно, так уютнее. Накрылся своей старой кавалерийской шинелью. Через четверть часа согрелся, но понимал ясно: даже несмотря на простуду раньше трех-четырёх часов не уснет. Слишком долговременная привычка!

Так и раньше случалось, обычно все в том же феврале, если выдавался слякотным, а ангина или озноб тут как тут. А академик Мясников и врач Гареев даже одобряли его организм. Дескать, если в возрасте за сорок-пятьдесят, не говоря уже о более почтенном, человек при простуде или вирусной инфекции ангиной болеет, это свидетельствует об общей крепости его. «Ангина, то есть воспаление аденоид,— почтительно, но по-профессорски уверенно пояснял Мясников,— есть первичная, так сказать, передовая оборона организма. Переболеет человек ангиной — и все, дальше инфекция в трахеи, в бронхи и еще глубже в легкие уже не пройдет. Если же с возрастом, что обычно и бывает, аденоиды уже не реагируют на простуду и вирусы, то инфекция прорывает эту передовую и поражает более жизненно важные органы и системы».

Спасибо, конечно, на ободряющем слове маститого медицинского академика, но и эти «спасительные» ангины и простуды, если уж так зачастили, не больно великое удовольствие.

А так как и раньше эти два-три часа бессонницы приходилось, согрешившись чаем, под царицынской шинелью коротать, раз работать за столом невмочь, то и рецепт уже известен. Надо в который раз, прикрыв глаза, в очередной раз прокручивать в голове те самые потаенные мысли, что не запишешь ни в одну сверхсекретную тетрадь, не произнесешь вслух даже при полностью упившихся по всякому поводу соратниках из числа самых доверенных. Другого времени у Вождя не было, нет и вряд ли будет. Вожди на заслуженный отдых не уходят. Снова вспомнился Мясников, как-то обмолвившийся в общем разговоре на консилиуме: «Да, товарищи, профессора и академики на пенсию не уходят». Вот и они туда же...

Да, потаенные мысли. Как-то вырвалось у него, что-де проходит время гениев, наступает эпоха серой посредственности,— так у всех этих... рожи перекошило. А он ведь не себя, конечно, имел в виду, а смену исторических реалий, от отдельных личностей и человеческих масс не зависящих. Но ведь каждый из ближнего окружения, как это принято у женщин... нет, у баб, сразу на себя стал примерять его слова. Естественно относя свои персоны к первым.

А что после его смерти только не нанесут на его могилу? Недолго она в чистоте пребудет. Один хай поднимет, если при верховной власти окажется, так остальные тотчас подхватят. Даже если и поневоле. Пожалуй, единицы его не предадут, те же Шапошников и Рокоссовский.* Не зря он их только двоих и величает по имени-отчеству, а не безликим «товарищ такой-то». Старые партийные лисы! Как же они быстро, прямо на глазах, превращаются из бесстрашных революционеров и бескорыстных бойцов партии в нечто трусливое, лицемерное, свиноподобное? Понятно, что любое животное к старости становится осторожным, боязливым. Но ведь более справедливым можно считать, что далеко и далеко не все выдерживают испытание властью, гарантированной сытостью, да еще от природы жадные женщины — их жены, тещи, дочери, невестки — и в свою дуду дуют. А ночная кукушка всегда дневную перекукует; здесь всем пример из примеров библейская Эсфирь...

Послать бы их всех куда подальше, лучше всего на пенсию, но кого взамен-то поставить? Идеалист ты законченный, товарищ Сталин! Но кто кроме идеалиста не-исправимого может взвалить на себя бремя вождя... нет, Вождя — с большой буквы?

---

* Так оно и случилось; только они отказались клеветать на Сталина.— Прим. авт.

Тем более, что такой Вождь, рачительный и по необходимости строгий хозяин страны, долго идет к власти. Это тебе не чехарда консулов и императоров, забиравших престол лишь оплачиванием годового жалования двум легионам преторианской гвардии. Само по себе бремя Вождя суть жертвенность во имя высоких идеалов. Тавтология, конечно, но эти идеалы привлекают к себе исключительно идеалистов.

Можно ведь и такое умозрительное сравнение привести: если на обычного человека давит атмосферный столб в сотни килограммов, то для Вождя плюсуется еще сотни тонн давления шапки Мономаха. И авторитет его зиждется не только на полезных и насущных для самых широких масс делах и поступках, но и требует определенных искусственных ритуалов. Взять тот же идеализированный ореол Вождя; не знаю, как этот институт потом назовут мои злопыхатели.* Когда в тридцать седьмом году в разговоре с Лионом Фейхтвангером последний осведомился о причине обилия портретов Вождя в стране, речевок и приветствий, начинающихся непременно со славословий товарищу Сталину, то он все свел к шутливому ответу. Дескать, в массе своей наш народ еще не успел овладеть европейской культурой выражения своих чувств, перебарщивает. Отсюда и изобилие портретов «человека с усами». Этот ответ ему самому понравился и стал трафаретом для всех последующих, хотя и редких, интервью и бесед с западниками. А устраивает это их, или нет — их же и дело. На том поставим аминь, как заканчивал свои лекции отец Иракий.

*Недаром сам народ тебя прославил;
Тебе перешагнуть рубеж веков...*

На дело-то серьезное и принималось решение о идеализированном ореоле Вождя на пленуме после XVIII съезда ВКП(б) — в закрытой его части — по-деловому, со всеми доводами «за» и «против». Сам он колебался почти до окончания обсуждения вопроса. Как ни странно, но на правах военного наркома чашу весов склонил Ворошилов. Это при всем его шутовстве на съезде. Надо же, додумался частушку в свое выступление вставить:

*А товарищ Коккинаки
Долетит до Нагасаки
И покажет всем Эсаки,
Где зимуют раки!*

Нд-а, предугадал старый рубака: до Нагасаки-таки долетел, но только не товарищ...

Впрочем, может, и правильно сделал, разрядил мрачноватую обстановку: съезд собрался в не самые спокойные для страны времена.

А на пленуме Клим необычно серьезно и убедительно обосновал необходимость создания идеализированного ореола. Понятно, в совершенно иной, партийно-политической терминологии. Основной его довод: война, увы, неизбежна. Большая война, скорее всего мировая, так что даже малой-премалой надежды отсидеться в стороне у СССР нет. Отсидится и еще больше разбухнет от золота только САСШ.** А наш, русский, советский народ — плохо это или хорошо, не нам судить — в години суровых испытаний особенно привык к строгому единоначалию. И если раньше лозунгом всенародного единения было «за веру, царя и отечество», то теперь, исключая бога, в девизе остается отечество-родина и тот, в котором народ видит высшего руководителя, которому он, народ, полностью доверяет. Но не слепо, а будучи уверен: именно он, высший руководитель, сделает все мыслимое и неммыслимое, но приведет страну

---

* До хрущевского клейма на XX съезда КПСС термин «культ личности», по крайней мере в приложении к Сталину, нам в источниках не встречался. — Прим авт.

** Северо-Американские Соединенные Штаты — тогдашнее название США. — Прим. авт.

к победе. Этот же руководитель становится символом, Вождем. И бойцы в атаку будут подниматься со словами: «За Родину, за Сталина!» Так что, Иосиф Виссарионович, ваше имя уже не только вам принадлежит.

И не в твоём характере, Коба, для убедительности Ворошилов обратился к старой партийной кличке Вождя, обращать внимание на зубоскальство империалистов и недобитых троцкистов по поводу якобы твоего самовосхваления. И мы все прекрасно знаем: это товарищу Сталину глубоко чуждо. Главное — это на пользу нашего общего большевистского дела, на пользу всего советского народа. И трудовые массы всего угнетенного империализмом мира знают: имя Сталина олицетворяет (Ворошилов в два приема выговорил это казенное слово) СССР и наше правое, революционное дело.

Да, убедительно, хотя и несколько коряво, сказал тогда Клим, «первый красный офицер». Он согласился, как всегда соглашался, не ломаясь, с разумными доводами.

Кстати, чтобы там не сочиняли сейчас, в самом приступе «холодной войны», продажные западные писаки-журналисты, до войны эта необходимая идеализация ореола Вождя не выходила за рамки портретов на демонстрациях и на стенах помещений учреждений. Кстати, на том же «демократическом» Западе в служебных кабинетах на стенах непременно портреты президентов, премьер-министров и королей с королевами, которые «царствуют, но не правят». А у нас — по ведомственной принадлежности — не один товарищ Сталин в красном углу наличествует, но тот же Ворошилов, Дзержинский и другие наркомы. Кажется, только Лаврентий не велит себя афишировать. Наверное, въевшаяся в характер привычка старого подпольщика и чекиста: присутствовать везде и всегда, но невидимо... И на демонстрациях не только саженные портреты товарища Сталина несли.

В войну и вовсе не до наглядной агитации, а «За Родину, за Сталина», как ему раз под хорошее настроение сказал Рокоссовский, в тяжелых боях бойцы чаще заменяли десятиэтажным матом. Что ж, так-то оно сподручнее. Вспомнил свои бои под Царицыном.

Кое-кто считает — служба Лаврентия все знает, — что после войны с идеализацией Сталина-символа все переборщили, прежде всего Агитпроп. Бесчисленные памятники и бюсты, обязательные репродукции Йогансона со товарищи в каждом номере «Огонька», песни о Сталине, а главное — сталинская фильмотека. Так, кажется, это называется у киношников на их птичьем языке; и борьба с космополитизмом — дурно и топорно проведенная Агитпропом кампания — этот их язык не изменила!

Актер Геловани еще до войны «прописался» на роль Вождя в кино, но после «Клятвы» сорок шестого года его заменили Алексеем Диким. Только в «Падении Берлина» одноразово вернули Геловани. Много чего говорят втихую о замене Геловани Диким, вроде как он разгневался на сказанное Геловани по пьянке: «Я, потомок княжеского рода, вынужден играть сына сапожника». Но все это чушь, и не было такого. Просто в послевоенное время он принял верное решение: в определенном смысле дистанцироваться от своего грузинского происхождения, а Геловани своей характерной внешностью и акцентом не вписывался в новую роль Вождя: грузина по происхождению, но русского по духу. Актер Дикий более вписывался в эту линию.

Так переборщили или нет? — Нет и еще раз нет. Необходимость в Сталине-символе как раз многократно возросла после завершения войны. Нечто схожее, хотя и в совершенно других акцентах, уже в России было: после Отечественной войны 1812-го года. Да-да, какой бы странной такая аналогия не показалась. И только в самых потаенных мыслях он ее допускал.

Даже по ущербному варианту истории Покровского, детища Пролеткульта и комиссии Луначарского — Крупской... Вождь мысленно поморщился: история Покровского даже не то чтобы ущербная, но прямолинейно тенденциозна, однако именно

такая и требовалась для малограмотной страны, особенно в 20—30-е годы. И по этому варианту истории, чрезмерно советизированной, нежелательными для Империи результатами войны восьмьсот двенадцатого года и похода русской армии через всю Европу в Париж явилось смятение в умах самых низов — крепостного крестьянства и самых верхов — аристократического офицерства, гвардейцев и привилегированных полков. Первые, поучаствовав в партизанской войне, решили, что наградой им должно стать освобождение от крепостной зависимости. А вторые, поверхностно насмотревшись на либерализм европейских стран, особенно Франции, и вовсе докатились до декабризма. Хотя и цветом военной аристократии являлись, но не додумались, — ни Пестель, ни Бестужев — самые умные, что на заговор, на Сенатскую площадь их, как слепых котят, вывела — через посредничество масонов — Англия, вековечный враг России... да и вообще всех европейских, континентальных государств.

И спасением для Российской империи тогда стало восшествие на престол Николая Первого*, заменившего переигравшего в европейский либерализм-вольтерианство Александра Павловича. «Властитель слабый и лукавый...// Над нами царствовал тогда...» Удивительно, но в двадцатые-тридцатые годы того века одновременно жили и поддерживали друг друга два умнейших человека первой половины XIX века: Николай Первый и Александр Сергеевич. В каком-то смысле и мне повезло, что в мире литературы есть Шолохов.

Так в чем же аналогия, хотя и условная, отдаленная? А в том, что, победив Германию с сателлитами и Японию, уже наш, советский народ в каком-то смысле, скорее интуитивно, стал ждать послаблений. Но само по себе никакое послабление во время восстановления разрушенной страны немислимо. Да и послабления эти мыслятся именно в сторону либерализации, то есть отхода от норм социально ориентированного хозяйства. Явно с подсказки в который раз возродившихся троцкистов: типа «советская власть без коммунистов», «распустить колхозы» и тому подобное. Слухачи Лаврентия хорошо работают.

Ну, народу, вдоволь умывшемуся кровью, это простительно. Не так уж и глуп русский народ, да и остальные нации страны, глядя на него. Сами поймут, да и Агитпроп не даром хлеб с маслом ест. Куда опаснее вторая аналогия, то есть, в среде высшего офицерства.

Слабость человеческая и им присуща, тем более, что все они в первом поколении из рабочих и крестьян, нет у них родовой, поколенной аристократической выдержки и самодисциплины. Кое-кто и возомнил себя бонапартами и бонапартиками. Да еще с подначки своих вечно жадных жен и любовниц-актерок настоящий грабеж в поверженной Германии устроили, вагонами и составами дуван вывозили!

Уже по углам шепчутся: дескать, потому он сослал Жукова в хилый Одесский военный округ, что боится славу за Победу с ним разделить. Каждый судит по себе, а мне с Жуковым делить нечего, у каждого своего хватает. А ведь он, возможно, спас маршала от искушения: советчики тому всегда нашлись бы. И уподобился бы Георгий-победоносец незадачливому заговорщику Тухачевскому, великому победителю тамбовских крестьян и кронштадтских матросов. А те и сами стали жертвами эсеровских происков. Понятны и их обиды: революцию-то, честно признаемся, они подготовили и сделали, а власть большевикам досталась... Эх, история, история! Никогда нельзя тебя написать по справедливости.

Вот в такой непростой ситуации да на фоне восстановления страны, да гигантских затрат на вооружение в условиях объявленной Западом холодной войны, никак нельзя было отказаться от идеализированного ореола Вождя. Трудно жила страна

---

* Недавно нынешний ректор Литературного института им. А. М. Горького Б. Н. Тарасов издал книгу о Николае I, назвав его рыцарем самодержавия. — Прим. авт.

перед войной; в войну и говорить нечего, но в первые три-четыре года после ее окончания СССР уподобился тяжело больному, только-только вышедшему из кризиса. А для такого, едва выжившего, человека вся надежда и вся благодарность только на спасшего его врача. Именно он для него — земной бог, Вождь и все мыслимые высшие силы природы, мира. И ведь врач-спаситель, даже если он не один, а вместе с ним весь персонал лечебницы вытаскивал больного из небытия, никогда не скажет ему: «Дорогой товарищ, я спас тебя, ночей не спал, выхаживая тебя, приложил все свои силы ума и рук искусного хирурга, но теперь ты пошел на поправку, я тебе уже не нужен, поэтому я прощаюсь с тобой. Живи и здравствуй, меня лихом не поминай, если по необходимости делал тебе больно, выкорчевывая смертельную болезнь. До свидания, дорогой товарищ».

*Великий труд певца своей отчизны
Обязана награда увенчать:
Пустило слово корни новой жизни,
Приспело время жатву пожинать.*

...Нет, нельзя и сейчас, когда уже у нас есть атомная бомба, водородная на выходе, ракеты все дальше летят, восстановлены города и построены новые, карточки отменены, заводы и фабрики в три смены работают, социалистическая система стала мировой, все равно нельзя лишать народ ореола-символа. Это нечестно.

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ — БИОЛОГИЧЕСКИЙ АТАВИЗМ ЧЕЛОВЕКА

Вот в чем меня сейчас, при жизни, и в будущем никак уж нельзя упрекнуть, так это в заразе частнособственничества, то бишь жадности, накопительства, а по-русски — скопидомства. Хотя нет, эта журналистская западная, а может и своя, сволочь и их политические заказчики-хозяева наизнанку вывернутся, но что-нибудь да придумают. Ха, залыются в бумагомарательском восторге: знаем мы эту сталинскую потертую шинель и подшитые валенки, три пары нательного белья, рабочий френч и казенный парадный мундир, не более двух-трех раз в год надеваемый! Все это маскировка, показуха для одурманенных масс в СССР и за рубежом. Дескать, можно укрываться царицынской шинелью, носить в Кремле по несколько лет одну пару сапог, а на ближней даче — самолично подшитые валенки, при этом имея в полной собственности 1/6 Земли, суши и в придачу Восточную Европу с половиной зарубежной Азии! Это как у русских самодержавных царей было.

Дурачье. Нет, не глупое, даже по-своему умное, иначе бы их не держали на приличном жаловании. А дурачье — если рассматривать с позиций истинного положения вещей, исторического предиката, как писал Фейербах. Попали пальцем в небо! Видишь ли, с царем сравнили. Как раз российские самодержавцы не абстрактно всей империей владели, а являлись крупнейшими частными собственниками в самом прямом смысле: от земель общей площадью с небольшое европейское государство до фабрик, дворцов и прочей недвижимости. Настолько большое личное хозяйство с многомиллионным оборотом, что для управления им существовало специальное министерство двора со своим министром типа графа Фридерикса при Николашке. Да цари этого и не скрывали. Как та же Екатерина Вторая, что подписалась под антипугачевским манифестом «казанской помещицей».

А вот он, товарищ Сталин, живет всю свою жизнь на зарплату: в юности разно-рабочего в обсерватории; десяток с лишним лет революционного подполья жил на скромные деньги партии, а во время тюремных отсидок и ссылок на царевом содержании. В двадцатые годы — пайковый партмаксимум, не гуще зарплата была и в

тридцатых — жене с детьми в Крым посылал сто рублей, извиняясь, что больше нет. Оклад генералиссимуса поболее, но почти весь он и гонорары за издание книг уходят в фонд Сталинских премий. Василию его генеральских хватает, а Светлану пусть ее сменяющиеся мужья опекают.

Нет у него ни счетов в банках, ни какого-либо собственного жилья. Кабинет в Кремле — казенный, дачи — казенные, а мебель в них вся с инвентаризационными бирками. Пять тысяч томов его библиотеки, все прочитанные или внимательно, выборочно просмотренные не раз, тоже с казенными штемпелями по-преимуществу. А все подарки — в специальном музее. И при этом никакого лицемерия.

Того не могут понять шелкоперы, западники и отечественные скопидомы, что не притворяется он бессеребренником ради политических выгод. Да, он подлинный, рачительный хозяин огромной страны и еще трети мира, но лично ему ничего не нужно кроме минимально потребного обычному человеку.

А ведь он с Кавказа, хотя и православного, с ослабленным религией стремлением к кулацкому накопительству, но все же с Кавказа с его аульным, хуторским принципом жизни, сугубо индивидуалистической, что есть первооснова частнособственничества.

Конечно, значительную роль здесь сыграли несколько десятилетий неустроенного существования, но все же главное — он сумел подавить в себе этот биологический атавизм человечества, переключив его на исполнение роли хозяина великой страны. Да, он лишней копейке не даст пропасть, тем более украсть, но все, суммирующееся в итоге в миллиарды твердых сталинских рублей, пойдет стране и ее народу. Это и есть феномен *государственного стяжательства*. Такими до революции были купцы-промышленники из старообрядцев. Заниматься чем-либо иным, исключая земледелие, властями и православной госсцерковью им было запрещено до семнадцатого года. Они тоже выжимали каждую копейку, но полученные таким стяжательством миллионы возвращали народу. Отсюда и самые знаменитые меценаты царской России: Третьяковы создали галерею лучших картин; Савва Мамонтов, железнодорожный магнат, открыл в Москве свою оперу с главным дирижером Рахманиновым; правда, его в 1904 году разорили чиновники... Кто-то строил церкви и монастыри, а Морозов субсидировал грядущую революцию.

Откуда в его памяти засело это определение: частная собственность — биологический атавизм человека? И связанное с ним же словосочетание «мелкобуржуазная биомасса». Второе явно из какой-то книги, а вот про атавизм — скорее всего его формулировка. Но родилась она под влиянием бесед с умными людьми.

Вспомнился пятилетней давности разговор с академиком Орбели, который попросил принять его по вопросу открытия нового биологического исследовательского института. Он тогда несколько поколебался, но все же принял. Вопрос с институтом решился быстро, но так сразу распрощаться с именитым академиком, тем более земляком, показалось малоудобным. Зашел разговор на темы биологии, генетики, бесконечных дискуссий в *ВАСХНИЛ*, смелых работ Трофима Денисовича Лысенко в селекции, спекулятивности вейсманизма-морганизма.

От научно-политических моментов Орбели умело уклонялся, постарался перевести на спорные теории биологической науки. «А знаете,— слегка улыбнулся академик,— только что отпустили в Германию военнопленного, бывшего младшего офицера вермахта Конрада Лоренца*. Он честно отработал три с половиной года на стройках в Армении. Я о нем слышал еще до войны — университетский профессор, признанный создатель биологической науки этологии. А в армию попал в наказание за то, что на одной из лекций неумышленно передразнил позу фюрера...».

---

* Будущий лауреат Нобелевской премии за разработку основ этологии.

Далее Орбели рассказал: «Этот Лоренц уже в советском плену написал трактат по этологии и с разрешения местных чекистов отпечатал его по-немецки в двух экземплярах — один им для передачи по ведомству куда следует, а второй переслал мне. В частности, учитывая что этология — это социобиологическая наука о поведении. Любопытно он изложил свою версию агрессивности, различие ее у животных и человека. Если у первых, тех же волков, медведей, агрессия взаимных, внутривидовых распрей длится определенное время, а затем автоматически глушится, чтобы вид сам себя не истребил, то у человека этого естественного останова нет. Поэтому люди и истребляют друг друга с первобытно-пещерных времен по сию пору. И чем дальше, тем в больших масштабах. И Вторая мировая это еще не апофеоз! Увы, но это так.

А причина отсутствия у человека — и только у него одного из всего животного мира — естественного механизма самоограничения агрессивности состоит в том, что все животные последовательно прошли в своих предшественниках и в своем виде все этапы эволюции, а человек, наделенный разумом, опередил время эволюции, нарушил тем самым необходимую последовательность ее этапов. Итак, формирование механизма останова агрессии не успело за ускоренным и все ускоряющимся формированием хомо сапиенс».

...Тогда он особого внимания на эту любопытную теорию военнопленного немца не обратил, более обеспокоенный разговорчивостью академика, явно вознамерившегося рассказать Вождю о всех тайнах биологии. А Поскребышев по телефону уже мягко напомнил, что в приемной у него уже с полчаса томится группа авиаконструкторов и военлетовских генералов с главным маршалом авиации во главе. Потому он вежливо выпроводил академика и от высот эволюционных теорий перешел к практическим делам дальней бомбардировочной авиации — под готовящуюся атомную бомбу.

А вот сейчас вспомнил ту давнюю беседу со знатоком биологии, теорию неостановимой агрессивности человека — и тотчас нашел решение давно уже мучившего вопроса о проклятом частнособственническом инстинкте, конца действенности которого и с вавилонской башни не видно. Да, причина та же, что и в случае агрессивности: человек в своем скором развитии обогнал естественную эволюцию.

Ведь любая философия — от субъективного идеализма до марксистского материализма — свидетельствует однозначно: частная собственность есть тормоз на пути высшего социального развития человечества. Но ведь она была. Есть и еще очень долго будет довлеть над человеком. Да, так бы оно и было, так бы инстинкт частнособственничества сошел бы на нет, пройди человек строго последовательно все этапы эволюции человека как животного. Но он опередил эволюцию, сломал эту последовательность, потому и сохранилось устремление к частной собственности — биологическому атавизму человека.

Ну, так что? — Он в этих терминах должен объясняться с Семеном Буденным, Климом, Маленковым, бесхитростными рабочими и крестьянами? И что они ответят ему на такую правду?

*«Пей, осуши, проклятый,
До дна эту чашу! До дна!
Чужая твоя нам песня,
И правда нам не нужна!»*

Да, голая правда никому не нужна: ни подпольным миллионерам, ни пролетариям с их единственным имуществом — цепями. Не говоря уже о крестьянах. Ни в ком из них этот атавизм-инстинкт не убит, а всего лишь заглушен тридцатью пятью годами советской жизни. Но ведь это ничтожно малый срок по сравнению с эволюционным временем!

И не дай, бог, если власть в стране возьмут хитростью или в результате плано-

мерной подрывной работы западных спецслужб последыши троцкистов или просто агенты влияния Запада! Мне до сих пор кажется, или это чистый мой вымысел, что одной из истинных причин введения Владимиром Ильичем *НЭПа*, наряду с главной — экономической, было его желание узнать: а как скоро хотя и молодое, но уже бесклассовое советское государство вернется к частнособственности? — Вышло, что мгновенно: вечером лег спать смиренным совслужащим или кустарем-одиночкой, а проснулся поутру купцом-ухарем, матерым спекулянтом, владельцем лавки или свечного заводика. Спасибо Ильичу за раннюю науку.

Да что уж так далеко, к Ильичу, ходить. Свой опыт, перемешанный с кровью, налицо: один из неприятных итогов Великой Отечественной войны. Наряду с невиданным доселе в мировой истории массовым героизмом, бескорытием и стойкостью явился и всплеск биологических атавизмов, прежде всего агрессивность и частнособственность. Первое — это бандитизм во всех его вариантах, второе — безудержное накопительство, спекуляция, воровство, хищения, мародерство. Да что говорить о полулегальных купчихах, если наши маршалы, генералы и интендантские полковники активно «прочистили» капитулировавшую Германию. Пришлось и генералитет одернуть, вплоть до разжалований и отсидок, и денежную реформу провести.

...Несомненно, в будущем мне «зачтут» и якобы безвинно пострадавших героических генералов, и денежную реформу. При этом забудут, что у честного человека, а таких в стране подавляющее большинство, в реформу и копейки не пропало, зато в целом реформа привела в порядок финансовую систему и пресекла безудержную спекуляцию. Но ведь вопрос-то шире стоит.

Как ни внимательно он читал Маркса с Энгельсом, Фейербаха, Гегеля, не говоря уже о Владимире Ильиче, Плеханове, даже князе Кропоткине, но ни у кого не находил что-либо конкретное о биологической первооснове частнособственности. Близок к этому был, естественно, Энгельс в своем «Происхождении...», но до теории Лоренца оставалось еще сто лет!

А получается, в общем-то, примитивная картина. Капиталистическая общественно-экономическая формация, особенно в протестантской Северной и Средней Европе, в США, британских доминионах, есть вершина, апофеоз частнособственности. Оно стало новой религией, пришедшей на смену христианству, пожалуй, единственной мировой религии, которая категорически отрицает накопительство, а значит, и саму частную, не личную, собственность: притча о верблюде и игольном ушке. Какой вывод из этого следует? Самоочевидно, что, во-первых, дальнейшее развитие капитализма-империализма упирается в тупик, ибо основываться на постулате биологического этапа эволюции — частнособственности в действенном ныне этапе социальном — значит отказаться от естественной логики, поставить все с ног на голову.

Во-вторых, неизбежный диалектически переход от капитализма к социализму, далее к коммунизму, к сожалению, не так скор, как представлялось классикам марксизма, как мы сейчас говорим советскому народу, людям всего мира. Это мои самые потаенные мысли, которые, как говорится, я и фуражке своей не доверю. На этом пути перехода еще много будет испытаний, временных отступлений, эйфорий как временно восторжествовавшего капитализма, так и тоже временного торжества общества социальной справедливости. Почему так затянется этот, объективно неизбежный, переход? — А потому, что движению истории потребно какое-то время, чтобы хотя бы ускоренно, но все же скомпенсировать обгон человеком биологического звена эволюции. Ведь то же самое из той же истории мы видим и при переходе от рабовладения к феодализму, и от феодализма к капитализму. И хотя история, что не подлежит сомнению, с движением времени ускоряется, но это не может быть отнесено к переходу от капитализма к социализму. Вполне возможно — это переход, с учетом

масштаба ускорения исторического времени, займет большее время, чем при смене предыдущих общественно-экономических формаций. Причина же такого явления, нарушающего выверенную логику диалектики, объяснима только одним, но весьма существенным: если при всех предыдущих сменах формаций роль частной собственности только усиливалась, отнюдь не прерываясь, то при переходе к социализму эта собственность уничтожается: и как явление социального этапа эволюции, и как биологический атавизм.

Вроде как все сам себе объяснил, разложил по полочкам, но осталось два вопроса: почему достаточно прогрессивная капиталистическая формация избрала частную собственность основой своего существования и исторического развития и, собственно говоря, в чем и кому вред от частнособственничества? Что же, и здесь все по полочкам укладывается.

Вред — всем и вся, даже самим частнособственникам, поскольку весь смысл их жизни упирается в накопительство любой ценой. В этом смысле американцы, по молодости своего государства и происхождения из неудачливых у себя дельцов Европы, по большинству из которых во времена переезда в Америку тюрьма плакала, придумали откровенный, нелицемерный термин *business*. Его у нас неверно переводят как *дело*, *предпринимательство*. Истинный же смысл этого слова-понятия, как Ильичу, ему, и, кажется, Зиновьеву, со смехом рассказывал в семнадцатом году Иудушка Троцкий: личная нажива любым способом, причем род конкретного занятия выбирается по принципу наиболее легкого и прибыльного накопления долларов и недвижимости.

Это вам не лицемерная старая Европа! Но все же главный, основополагающий, так сказать, вред частнособственничества — это явное, наглядное противоречие в социальной составляющей развития человека, всего человечества. Частная собственность порождает и полярно разделяет классы в обществе. А классово разделенное общество, государство, весь мир — не имеют будущего в смысле социальной гармонии, которая единственно и оправдывает цель эволюции человека. Враждебная классовость — это бесконечное топтание на одном месте. И изгаживание этого места. «Шаг вперед — два шага назад», — как метко сказал Ильич. Хотя и по совершенно другому поводу. Словом, ситуация, какую он себе представил в юности:

*Когда несчастных тружеников доля
Тебя, невец, так тронула до слез,
Немало горя, мук, жестокой боли
Тебе с тех пор увидеть довелось.*

Это вред. А вот насчет первого вопроса? — Здесь Энгельс и Плеханов достаточно поразмышляли. Но и мы, сиволапые, не совсем лыком шиты, не только можем марксистские бибблии почитать, но и свою какую-никакую голову на плечах имеем. И не надо ничего усложнять, как это любят делать немецкие философы-политэкономы и наши ортодоксы от марксизма-ленинизма, те же Деборин и Презент. Хотя без этих болтунов в данное время нам не обойтись. Самые сложные вопросы имеют простые ответы. Равно как и самые основополагающие законы мироздания.

Все дело опять же в том, что с капитализмом завершается череда общественно-экономических формаций, начиная с поздней первобытной общины, где движущим элементом развития является классовость, внутри- и межгосударственная агрессивность и, разумеется, частнособственность. С переходом от одной формации к другой в этой череде внутренние противоречия в классовых обществах накапливаются, тем самым готовя качественный переход-скачок к социальной, бесклассовой формации. А перед любым качественным скачком, как это хорошо видно из самых обыденных вещей и событий, внутренние противоречия должны достигать максимума. Поэтому,

какими бы прогрессивными качествами ни обладал капитализм в высшей стадии своего развития, ничего он изменить в своем базисе — частной собственности не может. Именно поэтому мирное перерастание капитализма в социализм весьма и весьма проблематично. И не обязательно через революцию. Скорее всего уже лет через двадцать-тридцать и сами революции, так сказать «технически», в крупных, развитых капстранах станут невозможными по многим причинам: гибкая классовая нивелировка — подкуп части рабочего класса, сильная полиция, отсутствие условий конспирации и так далее. Неизбежный же качественный скачок произойдет другим путем. Каким? — Историю наперед не переглядишь.

Как это ни странно, но провозвестником отрицания частной собственности стал не СССР, а Иисус Христос и созданное им христианское учение. Но разве можно ему, Вождю передового человечества, хоть полслова даже умнейшим из соратников об этом сказать?

*Когда, своей отчизной вдохновенный,
К заветным струнам прикасался ты,
То с пылкостью, как юноша влюбленный,
Вверял ей сокровенные мечты.*

ГДЕ ВЗЯТЬ ПРЕЕМНИКА?

О-хо-хо, старость не радость. Все же эти простуды и ангины не только и не столько наследие Курейки, других ссылок и тюрем, лихолетья и неустроенности Гражданской... Нет, Сосепо, как тебя мама звала, вот и возраст начал сказываться. Чему тут удивляться, если к твоим семидесяти трем добавить с десяток лет, что добавила ему война — год за три! — вот он и возраст.

*То-то горе! А ведь было:
Был могучим хлебороб,
По полям гуляла сила,
Серп сверкал, валился сноп.*

Даже, если учитывая его кавказское происхождение и устоявшийся образ жизни, не столько его самого, а страны, ему и отпустится еще лет десять-пятнадцать жизни, то все одно после исполнения восьмого десятка надо отходить от управления страной. Слишком большое хозяйство, которое все более усложняется — веление времени, прогресс в науке, в промышленности, во всем. И международная политика хитрит, нарочито запутывается империалистами. Еще на себя и страну взвалил соцлагерь на западе и востоке. И неизвестно с кем хлопот больше: «Запад есть запад, восток есть восток, и вместе им не быть», — как абсолютно правильно сказал Редьярд Киплинг, которого у нас припечатали как певца колониализма. Вот и бывшие колонии, та же нищая Индия, к нам потянулись: кто из корысти, кто по необходимости, очень мало по убежденности. Третий мир — еще она докука.

Да-да, на девятом десятке непременно либо на покой, если только свои же не ухлопают, или же уподобиться английской королеве. И должность-то подберут соответствующую: Почетный председатель СССР. Как Мао Цзедун, но только тот вовсе не почетный, а самый что ни на есть настоящий.

Но где взять преемника, которому без скорби душевной можно передать созданную тобой сверхдержаву с ядерным оружием, огромной промышленностью, танковыми армадами и воссозданным флотом. Вспомнил как-то услышанное от адмирала Кузнецова, поморщился: с флотом-то еще строить и строить. Адмирал с характерной для него прямолинейностью не раз и не два доказывал необходимость резкого увели-

чения расходов на флот в этой и в грядущей пятилетках. И горькую присказку, бытующую во флотской среде, рубанул: дескать, четыре флота у нас, *СФ, ТФ, ЧФ и БФ*, но это не просто Северный, Тихоокеанский, Черноморский и Балтийский флота, а *Современный флот, Тоже флот, Чи флот, чи не флот* и, увы, *Бывший флот!*

Но как дорого стоят эти красивые линкоры, крейсера и эсминцы? Уже что говорить о подводном флоте, проектируемых в Ленинграде атомных подлодках... Деньги-деньги, ваша проклятая власть и при социализме долго еще будет довлеть.

Флот-то можно, хотя и с напрягом всей страны, сделать океанским, сравнять с натовским, а вот где взять преемника? А ведь искать его, готовить следует уже сейчас, не дожидаясь пока аукнется. Да-да, вот именно: как аукнется, так и откликнется. Как же трудно быть первопроходцем, создавать новую, ранее неизвестную в мире и в истории государственную систему! Во всем заботы и неординарные решения, не знакомые ни царям, ни западным президентам и премьер-министрам.

У царей династия, делящаяся сотни лет, а в восточных странах и того больше; как ему рассказывал ханойский посол: последняя вьетнамская династия императоров Ма Динь правила восемьсот лет. А в династии будущего престолонаследника готовят по выверенной теми же веками программе с самого младенчества. Главное — кровь одна, воспитание одно, характеры и ум одни и те же у уходящего с престола и вновь его занимающего. Неразрывная цепь. Но уж если разорвется, то это дорого стране обходится, как у нас при смене Рюриков Романовыми: Семибоярщина, безумный Борис Годунов, Смутное время... Но это исключение, которое подтверждает правило.

Достаточно отлажена на современном Западе президентская система смены власти и премьер-министерская в номинальных монархиях. Здесь наследника власти готовит даже не партия, это для оболваненных масс народа, а правящая верхушка страны. Но все равно работает отлаженная система подбора преемника.

У нас же есть многомиллионная, действительно всенародная партия, без лицемерного «демократического» антуража, есть и — куда от этого деться? — правящая верхушка, но нет главного: системы подбора преемников. Нет, преемника, конечно. Ибо коллегиальная власть, управление страной не в традициях нашего народа, исторически привыкшего к «царю-батюшке». Даже если тот именуется генсеком, председателем Верховного совета. Традиция — тонкая вещь. Субстанция, как любил говорить Ильич. Ее декретом не отменишь, не переиначишь. Только навредишь. Традицию можно изменять постепенно, не дуроломством.

Вот поэтому у нас в тридцатых годах сравнительно быстро получилось с коллективизацией... хотя и здесь много дров наломали ретивые, но глуповатые исполнители. А-а-а, все одно на меня свалят. А получилось потому, что крестьянство вернулось к своей исконной, тысячелетней общине, от которой их не смог отлучить ни Столыпин-вешатель со своими хуторами и отрубам, ни ленинский декрет о земле — земля, значит, крестьянам.

А вывод из такого сравнения прост: надо так же умело использовать в новых условиях и традицию единоначальника, ответственного хозяина страны. Но... а вот здесь круг досадливо замыкается: нет опыта «престолонаследия» в советской стране; как и кому передавать нелегкую шапку Мономаха? И как застарелая ревматическая боль-докука: где взять преемника?

*Он, на палку опираясь,
Выйдет, внуками любим,
И, весельем загораюсь,
Улыбнется молодым.*

Может, следуя библейскому наказу, а библия вобрала в себя весь предыдущий опыт человечества, отбирать такого, семижды семьдесят раз предков «на вшивость»

проверив? Усмехнулся, вот она — практическая генетика: проверить в цепи предшествующих поколений: нет ли вырожденцев, кровосмесителей, шизофреников, маньяков, извращенцев? Все ведь это, вся эта зараза, раз попав в родовую последовательность, неизбежно передается по наследству, порой всплывая и через десять-двадцать поколений. Вспомнились читанные еще в молодости книги Ломброзо и Макса Нордау. И эти шумные, с громогласными оргвыводами скандальные сессии *ВАСХНИЛ*, совсем недавние. Он внимательно читал книги-стенограммы этих сессий, на которых Трофим Лысенко яростно сражался с вейсманистами-морганистами. А чего сражался? — И так всем известно, что за народным академиком весомая прибавка урожая, грамотная селекционная работа — и все в масштабах страны. А за этими... морганистами только пустопорожние словоизлияния. Но и самого Трофима Денисовича его лжедрузья навряд ли академического членкора, обществоведа Презента изрядно подставили: гороховые законы, генетика — проститутка империализма! Нет, генетика вовсе не проститутка, и Мендель не шарлатан. Но не надо все так сугубо теоретизировать, впадая в средневековую схоластику. Правильность той или иной генетической теории рано или поздно будет доказана. Наука не останавливается в своем развитии. И будущее покажет — кто прав в вопросе о хранилище генетической информации в организме: сосредоточена ли она в каких-то отдельных «клубочках», как утверждают вейсманисты-морганисты, или каждая клетка растения, представителя фауны несет ее в себе, как утверждает Лысенко*?

Нет, все это смешно — по наследственности проверять. Только в простудном ночном возбуждении, когда мысли по всей голове в беспорядке, сталкиваясь, мечутся, такое может привидеться. Да это и, так сказать, технически невыполнимо. Во-первых, наши выдвиненцы не голубой крови, не дворяне с родословной, дальше деревенских деда-бабки не докопаться. Тем более, троцкисты в двадцатых и неразумные комсомолы в тридцатых церкви все разорили, крестильные книги на самокрутки пустили. Во-вторых, мигом тебя с Гитлером уравниют: дескать, товарищ Сталин то ли в старческий маразм впал, а может, и вовсе перенял арийско-расистскую методику бесноватого фюрера... хотя не сомневаюсь: меня и так со временем с Адольфом в правах «уравниют».

И как это себе можно представить? — Дается поручение Лубянке, а тамошние работнички пятого управления, соскучившись за последние спокойные годы по боевым делам, такое сотворят, что и Ежову в его запойных снах не привиделось бы. Заодно и внеплановую чистку устроят. Лет пять потом расхлебывать придется.

А если серьезно, то жалко терять преданных и умных людей, сделай он хоть самый прозрачный намек, даже не словами, а действиями: мигом кому надо уберут с этого света. Примеров уже предостаточно. Мироныча самым грубым, примитивным образом убили, как только он после Зиновьева стал решительно наводить порядок в Ленинграде. Погубил я и славного Чкалова, когда решил сделать его наркомвнудел. Вот и Андрей Александрович — и опять Ленинград! — в пятьдесят с небольшим как-то странно ушел из жизни. А ведь товарищ Жданов умнейшим был человеком, даром что в роду его учителя сплошь, а отец и вовсе в Мариуполе состоял инспектором народных училищ. И здесь он намек дал, расширив его зону ответственности в ЦК в конце войны, после чего и четырех лет не прошло...

И так долго можно вспоминать-перечислять этот скорбный мартиролог: кого замаскировавшиеся троцкисты убили, а других встревожившиеся потерей теплых мест карьеристы оболгали, подставили, рассорили с ним.

---

* Прав оказался Трофим Денисович Лысенко; всего через пять лет от описываемых размышлений Вождя Уотсон и Крик в 1958 году открыли структуру ДНК — носителя генетической информации.— Прим. авт.

Странное порой — а чем дальше, чем чаще — возникает ощущение: он полный хозяин страны, а в определенном смысле и трети всего мира. Его слово — закон, благо слово это выверено и произнесено после всестороннего обсуждения с руководством партии и страны. И в войну отнюдь не только на плакатах «За Родину, за Сталина» значилось. И Лубянка не даром свое повышенное жалование получает. Народ на него молится почище чем на сохранившиеся и им восстановленные церкви. Кстати, этим же народом ранее разрушенные. Но в то же время это странное ощущение контроля над ним. Как акулу рыбы-прилипалы ведут, не давая отклоняться. Кто они эти контролеры, что не дают подготовить к преемству власти надежного и умного человека? — Избалованная старая гвардия, троцкисты, масоны, сионисты, сверх-агенты империалистических разведок?

И так его отслеживают с двадцатых годов, когда он сумел-таки оттеснить Иудушку от власти. Именно тогда он забеспокоился, даже неосторожно поинтересовался у академика Бехтерева, которого вызвал проконсультироваться по поводу сохнувшей руки, конечно, косвенно, о навязчивых мыслях. Относительно руки тот его почти успокоил: следствие застарелого артрита. Излечить полностью нельзя, но периодически проходить процедуры, например, во время отдыха на юге, желательно. «То есть совсем не отсохнет, Владимир Михайлович, да?» — Академик улыбнулся: «Не отсохнет, товарищ Сталин. А навязчивые мысли... как вам сказать? Это и чисто поведенческим быть может, в той или иной степени свойственным в определенных жизненных ситуациях почти всем людям. А если патология, то это видно по клиническим проявлениям еще с отроческих лет, с переломного возраста. Этого ни от кого не скроешь; такой несчастный человек стопроцентно исключается из обычной, нормальной социальной жизни».

Да, долго он потом себя за глупую неосторожность корил. Со временем понял, что это никакая не навязчивость, но расплата любого, взявшего в свои руки большую власть. Расплата постоянным ожиданием удара, но неясно с какой стороны. Со временем же и приучил себя к холодному, безэмоциональному ожиданию таких ударов. А с Бехтеревым вышло неприятно. То ли он кому без задней мысли в голове рассказал об энциклопедических интересах товарища Сталина, а ведь академик очень уважительно к нему относился и вообще, в отличие, например, от Павлова, горячо принял советскую власть. А скорее всего его странная смерть под новый двадцать восьмой год. Совсем немного времени прошло после той консультации с рукой. По его негласному распоряжению расследование провели квалифицированно: смерть от острого отравления, причем ядом, намеренно заложенным в банку с консервами из академического пайка. И еще известно ему стало, что Бехтерев, увлеченный своей работой, зачастую питался сухомяткой, побыстрее, часто обходился на ужин хлебом и консервами. Кто же яд подложил — не сумели выяснить: *ОГПУ-НКВД* еще только опыта в тонких делах набирался.

А в западной прессе — с Лубянки переводы доставляли — уже поползли пасквильные слухи: академик обследовал Сталина и поставил диагноз паранойи.

*Но вместо слов благодарных,
Какие певцу говорят,
В чашу с вином изгою
Собратья подсыпали яд.*

— Это уже о Бехтереве. Только после войны, когда нам досталось кой какие из секретных гитлеровских архивов, Берия по своей инициативе приказал подготовить справку о загадочной смерти академика. Тот сам себя в капкан загнал, приняв от немцев дар троянского коня — самую совершенную по тем временам аппаратуру для исследований психики человека, заключил с ними хорошо оплаченный договор на

исследования по направленному психическому воздействию на большие массы... Истинно великие ученые в жизни как дети! Итоги работ Бехтерева достались ведомству Геббельса, а самого академика отравили — и концы в воду.

...Одно время часто посещали мысли: не выбрать ли преемника из военной кочки, из прославленных маршалов войны? Те же Жуков, Рокоссовский, Василевский, Конев. Да нет, Жуков с Коневым слишком прямолинейны, долго не усидят: подставят те же Маленков с Хрущевым, а старая гвардия дружно проголосует за победителя. За лишнюю медальку и госдачу в два этажа. Ну, им простительно, они уже на покое; вот привязалось: «Пора на пенсию — в сенат».

Отсортировал и Василевского; хороший человек, знающий, но он классическое «второе лицо», хотя умело сам командовал и 3-м Белорусским фронтом и главкомом громил Квантунскую армию. Дольше всего он почти что усилием воли склонял себя к выбору Константина Константиновича. Вон как умело сейчас он вечно раздразниваю Польшу в руках держит — и как министр обороны, и как зампреда Совета министров. Но душа Рокоссовского — это обсуждению не подлежит — не в Польше, а на настоящей родине этого чистокровного поляка, в СССР.

Так-то оно так, но как раз польское происхождение и погубит его в нашей русско-хочлацкой «вышке». Усмехнулся тогда: сам себя за нос водишь, товарищ Сталин. При чем тут польская национальность? — Просто подсознательно, а значит верно, понимает: нельзя во главе сверхдержавы ставить профессионального военного. А тут и давнее высказывание Эйзенхауэра услужливо в голове вертится. Хотя и сам боевой генерал, этот мистер Дуайт как-то в порыве откровенности выразился в том смысле, что генералам нельзя доверять не только управление государством, но и полностью отдавать им на откуп ведение войны. Хорошо, правильно сказал и своей политической деятельностью сам себе подтвердил. Не очень удачной, если хуже не сказать.

Да это секрет полишинеля; он это и без Эйзенхауэра сам прекрасно знает. Чудно все же человек устроен! Сам знает, что нельзя даже Рокоссовского на свое место ставить, а вот поди-ка — для убедительности нужно на сомнительный авторитет американского генерала сослаться!

Где Киров? Где Жданов? И Фрунзе, даже если он тоже в душе и по характеру военный? А потом что это ты, Иосиф, все о себе да о преемниках. Забыл — кто тебя Вождем сделал? Народ тебя выбрал из многих, поверил тебе, доверил себя тебе. Ты о народе-то двухсотмиллионном подумал? Ты, товарищ Сталин, не со Спасской башни, не с колокольни Ивана Великого посмотри на своего возможного преемника, а переоденься, загримируйся, смешайся с народом, походи среди него.

*Ходил он от дома к дому,
Стоял у чужих дверей
Со старым пандури из дуба
И с песней нехитрой своей.*

И слушай, слушай, слушай — что говорят люди: рабочие и колхозники, пехотные лейтенанты и капитаны, ученые-атомщики и инженеры, миллионы вдов Великой войны, столько ее же инвалидов и раненых. Пройдя же всего две-три деревни и небольшой районный городок, все и поймешь. Разве народ наш при всей его дисциплинированности душой, не внешне, конечно, воспримет на его месте бабаподобного лиса Маленкова, пьющего Булганина, совсем распоясавшегося от привалившей безнаказанности шута горохового Хрущева? Улыбнутся, досадливо махнув рукой, дескать, пропала страна, узнав о верховенстве лихого рубаки Ворошилова. Молотов, Каганович, Микоян... — это совсем не серьезно, даже не смешно.

Куда ни кинь — всюду клин, — то есть, остается только Лаврентий. Но разве он заслужил, чтобы товарищ Сталин отдал его осознанно на заклятие? Хотя, может, и

вывернется на первых, самых опасных шагах. Если, конечно, поведет себя правильно и осторожно. Возможно, и народ его воспримет. Все же чужая душа потемки, а душа Лаврентия очень сложная, многосоставная. Опять же мингрелец после грузина. — Не будет ли это перебором?

...Самое обидное, что когда меня не будет, и здесь чертей навесят: сам, мол, ревниво отыскивал возможных преемников и отодвигал их подальше. Собирался, значит, вечно жить и царствовать. Ну, господь и их простит, раз по-другому не могут.

Но где же взять преемника? — Вопрос открытый, скорее всего нерешаемый.

ВСЕ ЖЕ СТАРИНА МАРКС БЫЛ ПРАВ... ПОТОРОПИЛИСЬ

Одно хоть как-то утешает: не хвастаюсь, но такой разбег стране дал, такую мощную экономическую, политическую, нравственную базу мы с нашим народом создали за тридцать лет, что если после меня высшим руководителем окажется не полный идиот или прямой враг, замаскировавшийся троцкист, то такого наследства хватит для поддержания статуса страны в мире и улучшения жизни народа лет на сорок-пятьдесят. Вот она — спасительная мысль: за эти годы, а это большой в современной истории срок, ну... один, два, даже три неудачных воспреемника окажутся в Кремле, но здравый-то смысл должен же возобладать в верхушке госруководства и партии? Да-а, товарищ Сталин, настоящим ты русским мужиком стал, раз на авось надеешься. Хм-м, а что остается? Да потом и авось — это не «орел-решка» при подбрасывании монетки, а вполне наукой одобряемый подход: саморегуляция сложного механизма, как пояснял по какому-то важному поводу ему, Лаврентию, адмиралу Кузнецову и Василевскому ракетчик Королев. Хорошо им, академикам, все умеют объяснить, растолковать, обосновать. Заодно и самих себя успокоить и настроить на получение Золотой звезды на грудь!

Хм-м, мы тоже не лыком шиты, сами на кителе имеем звезду с серпом и молотом. Единственную ее и носим. Потому что за личный труд дана. А вторую, что за войну, пусть себе Георгадзе в ящике стола держит: не взял и брать не буду, ибо войну не я выиграл, а двести миллионов ее сломали; хорошее слово — сломали, мудрое, как все от народа идущее.

Маркс вот академиком не состоял, не положено было у немцев и тогда сына раввина в академики или действительные тайные советники производить, тем более крестами с бриллиантами награждать...

Вот вспомнил о Марксе — и еще одна проблема, не хуже постоянных досадливых мыслей о преемнике. Да, совсем я русским стал — у русских чем человек старше годами, тем разумнее становится. Это не национализм, просто русские — державный народ, с глубокой историей. И у других державных народов к старости умнеют. Не в том смысле, что память лучше становится, нет, естественным образом, наоборот, слабеет, приходится и слова все чаще с усилием вспоминать. Но умнеют, мудреют в смысле более глубокого понимания, осознания неких фундаментальных истин, которые в более молодом возрасте таковыми им же не казались.

Сколько копий было сломано им с сотоварищи в дореволюционные годы на тайных сходках, в тепло натопленной избе в Курейке и других ссылках, на малочисленных тогда съездах РСДРП, а после революции и перипетий Гражданской на уже тысячных съездах партии, на пленумах и всевозможных бюро-заседаниях в части утверждения Маркса об успешности перехода к социализму *только* в результате мировой революции. Причем Маркс не обязательно — это в поздних его работах — имел в виду вооруженную революцию, восстание.

Его уже тогда брало сомнение, что социализм может победить в отдельно взятой

стране или группе стран, на чем уперто во всех дискуссиях стоял Троцкий. Кажется, и Ильич сомневался, это из его дореволюционных книг и статей в «Искре» четко прослеживается, но успех почти бескровного Октября и недюжинные способности Троцкого убеждать — Геббельс бы позавидовал — склонили Ильича к «отдельно взятой стране». Даже не принял во внимание, что тот же Иудушка до начала двадцатых годов, до позорного поражения РСФСР под Варшавой и еще более позорного Рижского мира, а перед этим неудач в Венгрии, Германии, Эстонии и Персии, являлся не менее убедительным, прямо-таки яростным сторонником Маркса, мировой революции: «На погибель всем буржуям мировой пожар раздуем!»

Вне всякого сомнения, умом ихний бог Троцкого не обделил. В отличие от его соплеменников Зиновьева и Каменева, его марионеток. Скорее всего он в период убежденности в правоте Маркса не просто на авторитет молился, но осознавал правоту основоположника научного социализма — если только, конечно, не выполнял «заказ» масонов, сионистов и вообще неведомых нам доселе тайных сил.

А вот с легкостью необыкновенной в другую крайность перескочил — так это уже точно заказ, за исполнение которого ему была обещана вотчина размером в 1/6 земной суши. С прилегающими к ней морями и половиной Северного Ледовитого океана.

Что он, тогда не имеющий никакой власти нарком национальностей и секретарь партии — тогда действительно едва не технический секретарь, — мог противопоставить риторике Иудушки и уже сложившемуся убеждению Ильича? Да и что он мог сказать? — Дескать, товарищи, Маркс-то прав, социализм может устойчиво победить только при условии его всемирности. А мы, мол, коммунисты-большевики, власть в огромной стране взяли, белую контру и Антанту в деревянные бушлаты поодевали, но вот незадача — не смогли устроить мировую революцию. Поэтому, товарищи, давайте на неопределенное время отложим наш социализм, вернемся к капитализму и будем ждать — согласно руководящим указаниям геноссе Карла Маркса — настоящей мировой революции.

...Даже Ильич бы не возражал против помещения товарища Сталина в Кашценку — до свершения мировой революции.

Но время дебатов и политических баталий закончилось, началось время действий: пятилетки, индустриализация, коллективизация, укрепление военной мощи, война, восстановление, строительство океанского флота, создание ядерного оружия, семимильное развитие науки и образования. И отступили прежние сомнения: мол, Маркс прав в общем, умозрительно, а Ильич оказался первопроходцем и на практике показал, что частное не отменяет общее, что оказалось возможным построить социализм в отдельно взятой стране, к которой сейчас еще целый ряд стран присоединился. А со временем и пойдет, и поедет, и весь мир — уже по Марксу — станет единым царством социальной справедливости.

А вот недавно снова все повернулось вспять в его размышлениях. Откуда в нем это упорное сомнение в очевидном, вера в правоту сугубого теоретика Маркса? Здесь даже не конспирология тайных сил, управляющих ходом мировой истории, начиная с Великой Французской революции, роль свою играет. Нет, это стариковская мудрость к нему пришла, по-русски мыслить начал. И еще два существенных момента. Может, даже и определяющих в этом сложном вопросе. Один из них — влияние среды начала жизни: детство, отрочество, юность. Хм-м, прямо как у Льва Толстого получается. А второй — это и есть наступившая политическая, житейская и любая какая угодно мудрость.

Родился-то и вырос не в традиционной русской общинности, а на Кавказе, где господствует аульный принцип — историческое наследство от специфики этих мест,

где людей тысячи лет разъединяли горы. И в крови, в этих дискуссионных генах — все это в юном Сосепо Джугашвили имелось. Этой кровью и генами он всецело осознал аульный принцип: каждый род, семья только для себя, каждый человек имеет только свое мнение. И гордится этим — отсюда и вошедшее в обиход: гордый кавказец! Словом, личностный или семейно-родовой индивидуализм.

Когда он еще в семинарии впервые прочитал Марксов «Манифест» и несколько других его работ, то бы потрясен гениальностью отца социализма — особенно в отношении утверждения о мировой революции, как единственном пути в социализм — для всей планеты. И по юношеской непосредственности, юношеским, не натренированным еще в тонкостях анализа, разумом спроецировал утверждение Маркса на окружающий его мир, очерченный горами и долинами Кавказа. Попробуй один аул провозгласить у себя социализм — и что будет? — Соседние села тотчас объединятся, хотя бы на время, и сотрут с лица земли изгоя. А в рамках племени, национальности? — Ту же взбунтовавшуюся Мингрелию или горных сванов тотчас вернут к «правильной» жизни соседи: грузины, абхазы, аджарцы. И ставшую в одночасье коммунистической Табасарань в Дагестане все ее двенадцать языков во главе с аварцами и даргинцами голодом заморят, огородив карантином...

И на том же Кавказе советскую власть удалось установить для всех вместе только внешней, русской силой: в Закавказье создав несколько формальную *ЗСФСР** «под сенью дружеских штыков», а на северной стороне от Кавказского хребта разместив 11-ю Красную Армию.

А вот что касается стариковской мудрости, то именно она позволяет ему несколько по-другому, в корень, смотреть на ранее бывшие события и судьбоносные решения молодой советской власти.

...Кашенко Петр Петрович не Кашенко, но *НЭП* Ильич, все же, вводил, убивая далеко не одного зайца, не только из экономических соображений, но и чтобы сбить невероятный темп перехода от капитализма к социализму. Как у него сейчас на второе «полное собрание сочинений» потаенных мыслей набирается, так и у Ленина их было явно предостаточно. В том числе и о задачах *НЭП*а — гениальном ходе Вождя революции, по своей значимости для будущего построения социализма в стране равноценным самой революции, выигранной Гражданской войне и образованию *СССР*.

Понятно, что Ильич даже полнамека ни ему, ни особо доверенным из старой гвардии не сделал относительно тайных задач новой экономической политики, но сейчас, по прошествии трети века, это явно видится: Ленин намеренно затормозил наш стремительный разбег в сторону социализма, на время вернул стране хотя и жестко контролируемого государством, но главного врага советской власти, власти социального равенства — частную собственность на средства производства и торговлю. Экономика экономикой, но подспудный смысл этого шага никто не понял: даже умный Троцкий. Что уж тут говорить о рядовых партийцах? — Кое-кто из них действительно от отчаяния застрелился, запил, разочаровался во всем и всея.

Зато были выпущены пары, излишне скопившиеся в мчавшемся с двойной скоростью курьерского паровоза, у которого намечена только одна остановка — в коммуне, в коммунизме.

Но откуда такой пессимизм, товарищ Сталин? — А это не пессимизм, это признание гениальной правоты Маркса. Ведь ход истории только в школьных учебниках, составленных по кастрированной пролеткультовцем Покровским отечественной истории, ясен и прямолинеен в своей последовательности. Так по ней получается, что первые стихийные большевики уже выпускали подпольную «Искру» при Владимире

---

* Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика — так именовалось объединение Грузии, Армении и Азербайджана до образования СССР.— Прим. авт.

Красное Солнышко, а Болотников (кстати, польский холуй), Стенька Разин и Пугачев примеряли кожаные тужурки «комиссаров в пыльных шлемах».

Да и пролеткультивец Покровский имел достойных предшественников в своей ученой специальности. Прежде всего Карамзина, который по негласному заказу облуживаемых им царей так переписал историю Российского государства, что получалось: семьсот с гаком лет князья и цари из Рюриковичей своими *приборами* груши отрясали, воду мутили и брели без цели, мечтая о том сладостном времени, когда бразды правления возьмут в свои шлезвиг-голштинские руки цари и императоры Романовы и приведут все дела в идеальный порядок.

Но Карамзин и Покровский — работники по найму, препарировали историю под заказ: первый — императора Александра Павловича, а второй — комиссии Луначарского — Крупской. Но в том-то вся беда, что и относительно независимые Татищев, Соловьев, Костомаров не избежали все той же прямолинейности и последовательности в цепи событий истории. Да и западники, те же Мишле, Томас Карлейль, французские энциклопедисты все туда же смотрели. А история, расширенно понимаемая, петляет во времени почище самого хитроумного зверя или его жертвы, запутывающих по снегу свои следы...

Несомненно, гениальный Маркс это хорошо понимал. И, делая умозаключение-вывод из своей теории перехода к бесклассовому обществу *только* всеми странами вместе, он, конечно, имел в виду непрямолинейность этого перехода. Будут страны-провозвестницы, как наш СССР... усмехнулся: и примкнувшая к нему на первых порах Монголия, а в сорок третьем году горная Тува — Лаврентий с Курчатовым настояли: там залежи урановой руды под будущую атомную бомбу.

Будет ситуация равенства сил между капитализмом и социализмом, но будет и временное поражение социальной идеи. Увы, возможно, и нашу страну это не минует. Надо холодно ожидать любой удар. Ко всему надо быть готовым. Активно защищать себя, но и не роптать на очень крутые извивы истории.

А что ход истории в направлении всемирного социализма будет ох каким извилистым, запутанным, хорошо видно из мировой, преимущественно европейской, истории 20—40-х годов этого бурного века, а именно: выбор историей наиболее жизнестойкой модели социализма.

Ведь вовсе не случайно в первой четверти этого века в потрясенной мировой войной Европе сформировались и государственно оформились три варианта перехода к социализму. Конечно, первым и наиболее впечатляющим стал наш интернациональный социализм с четко поставленной целью: построение коммунизма. Не менее мощным, по темпам построения таким же стремительным, как и у нас, явился германский нацизм, то есть национальный социализм*, социализм для одной нации, объявленной избранной. Хм-м, поэтому — хотя это, конечно, не главное — быть может новая избранная нация так жестко и жестоко повела себя в отношении другой, богоизбранной по Ветхому Завету нации. Наконец, это и третий вариант социализма, не сугубо национальный, но и не интернациональный: итальянский фашизм — с целью создания социально ориентированного государства.

Конечно, разъяснять нашему народу раньше и сейчас различие между итальянским фашизмом и гитлеровским нацизмом — значило бы только запутать его и ослабить действенность нашей пропаганды. Поэтому с легкой руки не очень грамотных газетчиков тридцатых годов (а сейчас они разве грамотные?) и произошло смешение понятий: немецкий нацизм перекрасили в фашизм, который, правильно говоря, по политическим устремлениям расходился с нацизмом. И исторические «маскхалаты»

---

* Напомним наименование нацистской партии: Die National-Sozialistische Arbeiter Partei Deutschland — Национал-социалистическая рабочая партия Германии.— Прим. авт.

у них слишком разнятся: у Гитлера с его партайгеноссами — возмущение рунического варварства германских племен, объединенных Германом Херуском; у Муссолини — римская тога.

...Да вдобавок в Восточной Европе у сателлитов Третьего рейха просматривались свои социальные течения: в Венгрии, в Австрии до аншлюсса... в Румынии сильно шумел капитан Кодряну... как его? Да ладно, не тот фрукт, чтобы вспоминать. Наши евразийцы из парижских и пражских эмигрантов что-то там горячились. Георг Лукач, раскольник западных компартий — видите ли, ему не нравилась и сейчас не нравится наша якобы большевизация этих партий!

История — она, конечно, проститутка, но в смысле препарирования и переписывания уже прошедшего, но в текущий, зримый момент она есть движитель общественно-экономического и политического бытия. И не хуже самого деятельного ученого профессора и академика сначала все на многих лабораторных опытах проверит, а затем нужное ей выберет. Так и здесь получилось все как по писаному, но, увы — писаному по всей земле Европы людской кровью... И моменты щекотливые случались: той и другой стороне как-то приходилось разяснять солдатам, почему во встречном бою сталкиваются бойцы с красными флагами; только у нас с серпом-молотом, у гитлеровцев со свастикой, памятной нашим еще по кредиткам-керенкам. И у нас для политруков соответствующая инструкция была Главпуrom составлена, а их «политфюреры» все больше напирали на жидов-коммунистов, маскирующихся под «священным красным знаменем социализма».

Большой кровью, столкнув руками англо-американских империалистов СССР и Германию с ее сателлитами, история выбрала нас, наш интернациональный социализм как наиболее жизнестойкий, наиболее социально направленный. Но одновременно и предупредила: мировой капитализм еще ох как силен, лицемерен и двурушен. Спинай к нему никак нам поворачиваться нельзя — сразу нож под лопатку всадит!

Но великий эксперимент, лабораторный опыт большой истории продолжается; правда, в условиях нашей круговой обороны. Сколько мы продержимся? — Уже называл себе эту цифру: лет сорок-пятьдесят. Силой нас не возьмут, так хитростью. А они великие мастера на пакостливые хитрости: многовековая школа Макиавелли, Меттерниха, Пальмерстона, Биконфильда да Чемберлена с союзничком, мать его..., Черчиллем.

Не хочу думать о плохом, но ведь чую, чую, как многоопытный старый барс, что прав Маркс... поторопились. С другой стороны, кто-то ведь должен был обозначить: время капитала, время людоедского частнособственничества близко к закату. История нас выбрала той жертвенной дивизией, что должна первой пойти в атаку на смертельного врага человечества, прорвать передовую линию его обороны, закрепиться — и пасть смертью храбрых, не дождавшись подмоги. Но ведь оборона-то прорвана, вражеские доты и дзоты взорваны, ближний тыл врага хорошо пристрелян, фланги справа и слева обеспечены. И когда в штабах выработают диспозицию, и уже не жертвенная дивизия, а фронт в составе не одной армии перейдет в генеральное наступление, то врагу крышка! А главный удар пройдет как раз через тот самый плацдарм с разрушенной оборонительной линией, где раньше выдвинулась жертвенная дивизия.

*Ты знаешь твердо: трудник или воин,
Кто в прах повержен был и угнетен,
Еще Мтацминды будет удостоен,
И пусть надеждой будет окрылен!*

И тебе, Сосепо, рано еще мечтать о своей Мтацминде, хотя вроде и заслужил ее; заканчивай свои февральские болячки и в составе той жертвенной дивизии расстреляй по целям весь свой боезапас.

...Нет, точно, расскажи я это своим соратникам, так и до Кашенки дело не дойдет: верный соратник Семен Буденный мигом сбегает до дома, благо недалеко от Кремля квартирует, сорвет со стены свою шашку с георгиевским темляком, вернется и снесет мне голову. И правильно, между прочим, сделает: не сей панику прежде времени, не смущай народ, не нарушай приказ № 227 «Ни шагу назад!».

Главное — опыт нашей страны ни в коем случае даром не пропадет. Без опыта построения и побед *СССР* вся мировая история бы остановилась и выхолостилась.

ГРУЩУ О БУДУЩЕМ

...Но и без опыта *СССР* капитализм все одно себя исчерпает. Исчерпал бы. Когда прочитал еще перед войной «Закат Европы» Оствальда Шпенглера, написанную с чисто немецкой обстоятельностью, с выкладками, с подробными таблицами*, взял в руки карандаш и прикинул: да, капитализм в мире вряд ли перевалит за двадцать первый век, в крайнем случае за середину двадцать второго. Но — твердо, теперь уже архитвердо уверен, что кончина частнособственнической формации и переход к окончательно социально ориентированному строю произойдет во всем мире, по Марксу.— Не по Ленину, Троцкому во второй его ипостаси... и не по вашему покорному слуге. Увы и к сожалению. Но не потому я сожалею, что не по-моему получиться, манией величия не страдаю, а потому только, что даже вину какую-то, что ли, испытываю: слишком много стране предстоит испытаний. Стране, которая не без моего участия и усилий втянулась в великий опыт истории. Грущу о будущем.

Нет, *СССР* не останется в эти 150—200 лет островом социализма, дожидаясь конца капитализма-империализма. Не позволят силы мирового зла, сомнут. Здесь во мне не идеалист, но многоопытный практик говорит. Да и мировую историю хорошо знаю, поэтому и примеривал ее на нашу страну. Почему это Ильич решил и меня убедил: мы несколько поправим старину Маркса и построим навечно социализм в отдельно взятой стране. А к нам постепенно примкнут и все остальные. Так сказать, от Северного до Южного полюса...

Убежденность — качество полезное для политика и революционера, но история не меняет законов своего движения, тем более при переходе от одной формации к другой. Это диалектика Гегеля Георга Вильгельма Фридриха, а диалектика не досужее изобретение умного немца, но выверенное учение, которое даже злейшие и умнейшие враги диалектического материализма даже не пытаются опровергнуть.

А раз история не меняет своих законов, то почему переход к новому социальному строю должен по своей запутанности отличаться от предыдущих смен формаций? Далеко ходить не будем, все одно и то же, возьмем переход от феодализма к капитализму. Да, Англия и Голландия тогда являлись провозвестниками. Но Голландия не в счет; во-первых, только-только от Испании отложилась, во-вторых, мелкая слишком страна. И даже Англия, будущая «мастерская мира», тоже не в счет: отъединена морем от Европы и как-то там умело смогли сочетать, кстати до наших дней, черты феодализма и товарного капитализма.

Все кардинально решалось именно в материковой Европе. И провозвестником здесь была Франция. Это только в школьных учебниках истоки капитализма относят к Голландии и Англии. В отношении форм собственности на средства производства, вывоза капитала позднее и прочей экономики-финансов такое первенство допустимо. Но ведь переход к новой общественно-экономической формации всегда ставит ударение (хм-м, хотел сказать по-ленински «акцент»), но вспомнил о борьбе с космополитизмом) именно на первом слове. Так вот, роль общественного, то есть социально-

---

* В отличие от того давнего, первого издания знаменитой книги на русском языке, современные, коммерческие издания выходят без таблиц — иначе сверхприбыли не получается... — Прим. авт.

го, идеологического и политического в своей совокупности, движителя новой, капиталистической формации сыграла как раз Франция. Даже из того видно, что второе название формации происходит от французского «буржуа» — ведь не от однокоренного немецкого «бюргера», не от каких-либо английских и голландских самоназваний частнособственников, верно?

Вот Франция... Начали с разрушения Бастилии, казни короля и лозунгов о свободе-равенстве-братстве, а завершили созданием нынешнего классического государства буржуа и рантье. А в первые полвека от своей, действительно Великой, революции не мытьем, так катаньем, более всего через революционные и наполеоновские войны, нескончаемыми парижскими баррикадными боями обуржуазили-таки всю континентальную Европу. В конце концов царскими займами и Российской империю туда же втянули. Попутно через Парижскую коммуны провозгласили и скорую кончину капитализма.

Вот Франция — истинный создатель мирового капитализма. Вот вам и соотношение базиса и надстройки. У Ильича, да и у Маркса, все это слишком просто представлено было. И у меня в «Кратком курсе»; не упрощал я, работая над катехизисом социализма, ибо сам был того же убеждения. Но простота хуже воровства. Нет, не так все просто. Но это вновь из области потаенных размышлений. Еще рано, еще не время этот вопрос обнародовать — хотя бы в среде академиков-обществоведов. Не дай, бог, с тем же Презентом, что около Трофима Лысенки вьюном вьется, на эту тему разговоры разговаривать.

Опять же, возвращаясь к исходному: а разве движитель буржуазного строя Франция так прямо взяла и от феодализма шагнула в капитализм, попутно отправив на гильотину миллион ихних контриков? — Как бы не так: от революционного Конвента к Первой империи Наполеона, потом к реставрированной монархии Луи-Филиппа — с коротким перерывом на «сто дней», затем ко Второй империи Наполеона Третьего... Парижская коммуна, президентская буржуазная республика. Все через революции, через баррикады, казни. И маятник грядущего капитализма туда-сюда полвека качался. Заодно всю Европу раскачивал. Так раскачал, что после череды волнений 1848-го года Западная Европа дружно шагнула в капитализм. Окончательно — до его естественного окончания, что еще предстоит.

Не сомневаюсь, что и Ильич не раз и не два задумывался: неужели и нашей стране, подобно Франции, предстоит пройти такой же путь, что уготован и движителю капитализма, и передовому отряду социализма? Но если и думал (думал, конечно, думал!), то заставлял себя, вцепившись левой рукой в правую, ни словом, ни намеком этого не выдать. Даже еще в эмиграции, до революции, в нестерпимых государственных и ответственностях ситуациях Ленин напрочь отвергал доводы Плеханова, Мартова и других своих постоянных оппонентов о перенесении реалий становления капитализма в Европе на грядущий переход от него к социализму, где «роль» Франции будет исполнять уже их Россия.

Больно, больно и мне думать о возможных терниях. Грущу о будущем, скорее всего — неизбежном. Марксова правота. И есть ли лучик надежды на смягчение этих терний?

*Тебе я сердце с трепетом открою
И руку протяну, — мне не до сна,
Когда в ночи в душевном непокое
Тебя я вижу, светлая луна.*

Но главное — нельзя явно предупредить свой народ, вообще никому и никогда никакого намека. Это все равно как если бы он во время войны отменил приказ № 227. Страшная тайна, аллор два креста.

Сложно сейчас фантазировать на тему: каким образом свершится в двадцать первом — двадцать втором веках этот всеобщий переход к единому мировому социальному государству. Но вот как произойдет (не дай, бог!) контрреволюция в СССР, как страна на достаточно длительное время уподобится Франции Луи-Филиппа после Ватерлоо — здесь ломать голову нечего.

Да и противники наши не скрывают методов разрушения СССР: не раз и не два перечитывал декларативную доктрину Алена Даллеса и директиву Совета национальной безопасности США. Хм-м, Лаврентий очень гордился: эти тексты сорок пятого и сорок восьмого года легли ему на стол еще до того, как с ними ознакомилось руководство США и сам президент. Умеем если захотим, а хотим мы многого, — но все исключительно на благо страны.

Самое ужасное, или паскудное скорее, состоит в том, что без железной руки, врагов, в том числе потенциальных, карающей, но преданных людей привечающей, к власти в стране подберется всякий сброд, который и упустит эту власть, прямо в руки врагу ее отдаст за понюшку махорки. Да им поможет это сделать и возвращенная врагом легальная агентура; она, как плесневый гриб, мигом наплодится.

Но главную роль, увы, сыграет сам наш народ. Даже не сам народ, а опосредованно через него вмиг возрожденный, доселе глубоко нами упрятанный, но нарочно возрожденный предателями при власти биологический атавизм — инстинкт частнособственничества. Против биологического инстинкта сложно устоять, если ему злонамеренно дают полную свободу. И он захлестнет всю страну с такой ужасающей быстротой и размахом, так заполнит души и головы до этого бескорыстных бывших советских людей, что даже насквозь торгашеский, частнособственнический Запад... да и Восток с ужасом и отвращением будет взирать на трагедию духа и воли 1/6 части земной суши.

...Это как у запойного пьяницы: год трезвым, чистый телом и мыслями, воодушевленным и верящим искренне в свою светлую жизнь ходит, едва не приплясывает и напекает, но вот дорвался до злодейки с зеленой наклейкой и пошло-поехало. Уже через пару-тройку дней видим мы отдаленное подобие человека, почти свинью: внешне и внутренне. И похотывает соседка Клавка по коммуналке, что мстя по каким-то бабским обидам жене этого бывшего человека, и подсунула ему ту разгонную бутылку.

Да, бабы-бабы! Именно они первыми бросятся в накопительство и не мытьем, так катаньем всех своих семейных собьют с панталыку и сделают добытчиками денег — нового символа существования.

А наемные борзописцы из когорты второй древнейшей профессии круглые сутки, годами, десятилетиями будут вдалбливать и вдалбливать бывшему советскому народу, что СССР был химерой и держался единственно «сталинскими репрессиями и расстрелами, чистками и постоянными угрозами». И так далее.

Пройдет лет двадцать-тридцать контрреволюционной власти, подрастут и займут лидирующее положение поколения, иной жизни уже не знающие. И все. До новой революционной ситуации, до реставрации социализма, но уже в мировом масштабе. Это как реставрация, уже окончательная, буржуазного строя во Франции после Парижской коммуны и франко-прусской войны. Очень явная аналогия.

Итак, народ наш выдержал испытание голодом, непосильным многолетним трудом, самой кровавой в истории войной, но, скорее всего, не выдержит испытания сытостью и относительным покоем. А они наступят уже лет через десять-пятнадцать, учитывая взятый нами разбег.

Но самое-то обидное, даже скулы сводит, что хитроумные враги разрушат нашу страну именно тогда, когда мы фактически уже построим реальный социализм. Ах, как обидно: за страну, за идею, за народ... и за себя тоже. Увы, мимо законов истории

не проскочишь. И проклятый Иудушка: как навозная муха отложил ты свои семенные яйца по всем углам и закоулкам. В каждом поколении неизменно возрождается твое потомство! Где ж на них верных Меркадеров набраться! Я не кровожаден, но в смертельных ситуациях другого выбора нет.

Главное, этим новым поколениям, детям контрреволюции, уже невозможно будет объяснить, что построили мы социализм первые и на голом месте. Да еще в такой специфической стране: сто народностей и наций с уровнями цивилизации едва ли не с каменного века до европейской. Еще существеннее, что ведущий, русский народ не похож ни на какой другой в мире: сочетание мужественности и детской доверчивости, жертвенности и опять же какой-то почти детской страсти к отличиям-побрякушкам и так далее. На сто человек не более двух-трех мерзавцев, но зато каких!

И вы скажете, что в такой стране можно было построить практический, не декларированный, не показушный социализм — социализм не для собственного возвеличивания, уподобления Христу, а для сотен миллионов, — оставаясь таким либеральным доброхотом? Этаким дедушкой Ильичем, адаптированным для букварей школьничков первой ступени или всесоюзным старостой с бородкой клинышком, вручающим безостановочно ордена ударникам труда, да?

Сюда же добавить, что за считанные десятилетия пришлось ломать все тысячелетние традиции государственности, а главное — прививать отрицание накопительства и частнособственничества в «пользу» социального равенства и справедливости. В одном повезло: не пришлось учить народ коллективизму, без которого институт социального государства немислим. Повезло, потому что русский крестьянин и в двадцатый век вошел общинником; даже отец кулачества, вешатель Столыпин, не смог разбить сельскую общину. А это до девяноста процентов русского населения России ко времени революции. И рабочий класс, пролетариат, не говоря уже об армии, не отошел в душе от общинности. Смешно было слушать теоретиков Мартова с Зиновьевым о сугубой пролетаризации русского рабочего. А он-то, рабочий, хорошо если во втором поколении в городе живет, да и то норовит на посевную и жатву в родную деревеньку сбежать! Да и Горький явно поспешил в революционное межсезонье деклассировать часть народа, ставших челкашами. Но он человек творческий, увлекающийся...

Почему-то, оценивая крупных государственных деятелей, почти все пишущие, читающие и обсуждающие ударяются в крайности: либо либерал, либо же диктатор. Меня всенепременно отнесут не просто к диктаторам, но с эпитетами кровавый, коварный... хорошо хоть не трусливый! Я не был и не есть ни тем и ни другим. Не жестоким, но необходимо жестким. Не Наполеоном, не Талейраном, не Калигулой, даже не Ильичем. Троцким тем более. Никем. Только собой — в нужное время и в нужном месте.

*Когда луна своим сияньем
В ночь озаряет мир земной,
И тусклый свет за дальней гранью
Мерцает бледной синевой...*

Тяжелую ты, Сосепо, ношу на себя взвалил: тусклый свет, что вдалеке мерцает, усилить в тысячу крат и осветить страну и еще много земель и стран еще невиданными, судьбоносными идеями. Или идеалами? Ну кто я после этого? — Конечно, тайный идеалист. И моя жесткость, непримиримость, неуступчивость, беспощадность к смертельным врагам и есть оборотная, немедальная сторона идеализма. *Per aspera ad astra** — из семинарской латинской премудрости. Ну и аминь на этом. Кто-то очень умный и мудрый сказал: мне не важно что думают обо мне, главное —

---

* Через тернии к звездам (лат.). — Прим. авт.

что я о себе думаю. Это не мания величия, а трезвая и объективная самооценка деятельного человека, полностью поглощенного раз навсегда выбранной целью. То есть, целеустремленного и в итоге-то приносящего пользу. Не себе,— людям, большому народу большой страны.

...А как исполнится на практике предсказание Маркса о всемирной социализации? Вряд ли об этом знает даже конспирологическое тайное мировое правительство, о котором много ораторствовал в семинарские годы Жора Гурджиев. Явно начитавшись этих колдунов йогов-брахманов, Блаватской и других сумасшедших. Но сумасшествие — палка о двух концах: с одной стороны безумие, с другой иногда и немислимое прозрение.

Главное и малоутешительное то, что не будет бодрой, почти бескровной всемирной революции где-нибудь в двадцать втором веке, а скорее всего — отмирание мирового капитализма-империализма и *вполне управляемый* переход к социальной мировой организации. Возможно по необходимости заполнить образовавшуюся после такого отмирания пустоту. А природа пустоты не терпит. Это Лейбниц с полной ответственностью заявлял.

То есть, революция — в этимологии этого слова — будет, но не с баррикадами, а чисто канцелярская. И не будет накануне ее никаких «верхи не могут, а низы не хотят». Скорее всего к дню «икс» власть на Земле сосредоточится в руках ста семей.. или двухсот семей. Власть политическая, а главная — финансовая, экономическая. Они же ставшее легальным тайное мировое правительство. Поскольку же к тому времени все работы на планете будут выполнять механизмы, которые будут конструировать и обслуживать считанные проценты населения, а остальное большинство составят бездельники на господержании и обслуживание их халдеи, то будет ста семьями принято решение об упразднении уже условных классов, сведении частной собственности к личной — с определенной градацией: бездельникам меньше, конструкторам машин и их обслуге больше. Словом, как у нас сейчас.

Сто же семей, оставив за собой верховную контролирующую власть над миром, захватив пару сотен тысяч прислуги — от садовников и проституток до дипломированных политиков и деятелей искусств — уединятся от серой многомиллионной массы в каком-нибудь райском месте, желательно на средиземноморском острове. На всякий случай остров — единственный на планете — будет иметь сверхнадежную систему противовоздушной обороны, а по воде, да вокруг кругами будут рассекать лазурное море корабли единственного в мире флота. То есть, получают отступное на себя и на всех своих потомков по нисходящей. Со временем все вырождаются и со скуки перебьют друг друга. А на Земле воцарится предвещенный Марксом социализм, потом коммунизм... Ох и скучная жизнь настанет. Я бы застрелился от такого светлого будущего.

Истинно говорил Бозций, стоик и первый схоластик в Древнем Риме, он же и философ-скептик, что жизнь человеческая имеет самооправдание только при стремлении к цели, но теряет его при достижении. Зачем в Древний Рим ходить, когда на книжной полке стоят тома Горького и две книги Николая Островского.

Что-то я совсем расфантазировался. Вроде как Алексей Максимович, а может, и кто другой из пишущей братии говорил: «надо отличать фантазию как жанр литературы от собственно фантазий автора». Первое — писательская техника, второе — чистой воды маниловщина, самый простой по исполнению уход от действительности. Присущ идеалистам. Значит, и я туда же.

...Но все упирается в одно: проклятая частная собственность.

(Продолжение следует)

